

ГЛАВА 3

Фашистские субъекты: тотальное государство и *Volksgemeinschaft*

Национал-социализм не имеет собственной политической теории... идеологии, которые он использует или от которых избавляется, — всего лишь *arsana dominationis*, техники господства.

Франц Нейман «Бегемот», 1941 г.

Концепции и идеи, а также движения с определенной духовной базой, независимо от того, ложна последняя или истинна, пройдя некую точку в своем развитии, могут быть побеждены лишь с помощью особых инструментов власти, если эти физические инструменты одновременно служат опорой для нового вдохновляющего мышления, новой идеи или философии.

Гитлер

Национал-социализм есть трезвый и в высшей степени обоснованный подход к реальности, основанный на величайших достижениях научного знания и его духовного выражения... Национал-социалистическое движение не является культом; это народная и политическая философия, выросшая из соображений исключительно расовой природы.

Гитлер

Национал-социализм есть не что иное, как прикладная биология.

Рудольф Гесс

Для нас итальянская демократия есть человеческое тело, нуждающееся в свободе, в том, чтобы сбросить оковы и избавиться от бремени...

«Футуристическая демократия», 1919 г.,
перепечатано в «Futurismo e fascismo», 1924 г.

Все люди действия с необходимостью движутся к катастрофе. С этой аурой они живут и умирают, ради себя либо других.

Муссолини, 1939 г.

В ТЕЧЕНИЕ нескольких десятилетий после падения режимов Гитлера и Муссолини было очень трудно дать теоретическое описание или хотя бы определение фашизма, признаваемое всеми. Не существует согласия даже по вопросам,

ограничен ли фашизм строгими историческими рамками, задаваемыми тем, что произошло с итальянцами (или, скорее, что было совершено итальянцами) в период с 1922 по 1945 гг., или же речь идет об универсальном феномене. Споры вокруг фашизма — не академическое педанство; они указывают на то, что, по-видимому, является характеристикой самого предмета. По меньшей мере в своей риторике фашизм противостоял «разуму», прославляя волю, интуицию и чувство. Его можно было почувствовать, но нельзя было определить.

Долгое время эксперты полагали, что фашизм был просто своего рода идеологией дна, в лучшем случае совокупностью предрассудков и националистических клише. Даже книгу, которая могла бы считаться основополагающим текстом, «Мою борьбу» Адольфа Гитлера, историки называли набором «догм, отзвуком разговоров в любом австрийском кафе или какой-нибудь немецкой пивной»¹. Не стоило ждать помощи и от самих вождей. Когда Муссолини спросили: «Что такое фашизм?» — он ответил с характерной скромностью: «Я фашизм» (на что вождь-конкурент отреагировал: «Фашизм — не один человек, это идея»)². Вопреки нелепым суждениям, фактом оставалось то, что фашизм с самого начала был сосредоточен на нации, используя специфически национальные мифы и ценности. Это объясняет, почему в 1932 г. Муссолини настаивал на том, что фашизм не предназначен для экспорта³.

Надо сказать, что Муссолини в конце концов все же *сформулировал* официальную фашистскую доктрину, а ее экспорт был признан законным. И все же отличительной чертой фашистов была, по-видимому, сознававшаяся ими самими теоретическая слабость. Вождь румынской фашистской группировки заявлял: «Страна умирает из-за недостатка мужчин, а не программ»⁴. При Сталине тонкие теоретические раз-

1. A. J. P. Taylor, *The Origins of the Second World War* (New York: Atheneum, 1962), 69.

2. Дино Гранди (Grandi). Цит. по: Emilio Gentile, *Mussolini's Charisma // Modern Italy*, vol. 3 (1998), 219–35; here 227.

3. Emil Ludwig, *Talks with Mussolini*, trans. Eden and Cedar Paul (Boston: Little, Brown, 1933), 162.

4. Цит. по: Richard Vinen, *A History in Fragments: Europe in the Twentieth Century* (New York: Da Capo, 2001), 133. Само слово «фашизм» ведет свое происхождение не от политического понятия, или имени политика, или философа, но от объекта, который римляне носили с собой 2000 лет на-

ногласия могли быть в буквальном смысле вопросом жизни и смерти. Гитлера и Муссолини мало заботила доктринальная чистота (в случае Гитлера значение имела лишь чистота расовая), хотя, придя к власти, национал-социалисты запретили цитировать самую первую свою программу. Первоначальные их требования носили резко антикапиталистический характер, и теперь им не хотелось об этом вспоминать⁵.

И все же, несмотря на явную теоретическую слабость, фашизм был одной из важнейших идеологических новаций XX в., особенно если мы будем оценивать новации не по трудным философским текстам, а по способности сплавлять воедино идеи и чувства, создавая новые публичные оправдания практике власти. Корни фашизма, конечно, восходят к концу XIX в., однако как система политических убеждений — на самом деле весьма разработанная и внутренне связанная, вопреки мнению о том, что это была всего лишь «идеология дна», — он сложился только в ходе Первой мировой войны и непосредственно после ее окончания. Самоучка Гитлер, ненавидевший интеллектуалов и, в отличие от Муссолини, не притворявшийся, что его заботит разработка нацистской доктрины, тем не менее не относился к идеям чисто инструментально и конъюнктурно. Быть может, его и не интересовало в каждом конкретном случае, являются ли его мысли (не говоря уже о политических решениях) логически связными, но это не означало, что на пути к власти он поддержал бы любые полезные для его личного возвышения идеи. Гитлер не уставал повторять, что является собой редчайшее сочетание в одном лице теоретика и политика, «исполнителя идеи»⁶. Главные заповеди его *Weltanschauung* оставались неизменными на протяжении не-

---

зад, а именно топора в связке из ветвей. *Fascio* первоначально служило символом власти и единства, а позднее стало метафорическим обозначением группы тесно связанных друг с другом людей.

5. Joachim Fest, *Hitler: Eine Biographie* (Berlin: Ullstein, 2004), 613; Фест И. *Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну*. М.: Вече, 2006. С. 74.

6. Помимо прочего, однако, он представлял собой тип, который, по мнению Вебера, был характерен для демократии: тип демагога, или, выражаясь мягче, политического публициста и журналиста. Гитлер проложил себе путь к власти речами (и в меньшей степени — писательством). Муссолини вначале был учителем французского языка в старших классах школы, а перед тем как стать партийным лидером — журналистом;

скольких десятилетий и могли разрабатываться нацистскими теоретиками без того страха, который испытывали советские мыслители, знавшие, что доктрины подвержены превратностям политики. В основном по той же причине нацисты не устраивали партийных чисток, сравнимых с советскими. Однако в них жил свой страх: они опасались, что их идеи будут опровергнуты историей. Для них истина зависела от успеха политического действия, она была вопросом власти. По словам одного итальянского фашиста, «истинность идеологии в том, что она пробуждает в нас способность иметь идеалы и действовать»⁷.

Важно подчеркнуть, что фашистское правление отличалось от авторитарных режимов правого толка, процветавших в Европе в период между двумя мировыми войнами: несмотря на то что национал-социализм был формой фашизма, он существенно расходился с исходной итальянской версией. По этой причине он будет отдельно рассмотрен в конце данной главы. Самое важное заключается в том, что фашизм был реакцией именно на эпоху массовой демократии. Это была альтернатива, которую считали приемлемой многие европейские политические мыслители, страстно ненавидевшие как либеральный парламентаризм (нацисты отвергали его как «систему»), так и социализм. Приемлемой она была и для очень многих обычных граждан.

Мифы Сореля

Нацистский министр пропаганды Йозеф Геббельс заявил в связи с захватом Гитлером власти в 1933 г., что «таким образом, 1789 год вырван с корнем из истории»⁸. В этой брос-

---

став дуче, он оставался тружеником пера (хотя, в отличие от Гитлера, серьезно относился и к своим административным обязанностям).

7. Альдо Бертеле (Aldo Bertele). Цит. по: Robert O. Paxton, *The Anatomy of Fascism* (London: Allen Lane, 2004), 16. Представление о том, что не аргументы, а действия подтверждают теории, было распространено на всех уровнях национал-социалистической иерархии. См. анализ Майклом Вилдтом аппарата «Reichssicherheitshauptamt»: Michael Wildt, *Das Führungskorps des Reichssicherheitshauptamtes* (Hamburg: Hamburger Edition, 2002).

8. Цит. по: Karl Dietrich Bracher, *The German Dictatorship: The Origins, Structure, and*

кой фразе было немало правды. Фашизм противостоял практически всему, что провозглашала эпоха Просвещения, а именно: что человеческие существа способны найти истину в совместном мышлении, что посредством общественного договора можно наделить друг друга равными правами и свободами и что разум и прогресс неразрывно связаны между собой. Фашистов называли мисологами — ненавистниками разума.

И все же их главной отличительной чертой было не это. Многие философы и политики в XIX в. тоже со скепсисом относились к силе разума, но их относили (и они сами себя относили) к консерваторам. Фашизм отличало стремление к деятельности, к мобилизации людей и овладению историей, а не характерные для консерваторов осторожничанье при проведении реформ и забота об их безопасности. Фашизм не был враждебно настроен по отношению к революциям и, по сути дела, сам считал себя революцией, в особенности — революцией недовольной молодежи.

Откуда исходил императив мобилизации? Хотя было бы ошибкой принимать большую часть того, что говорил Муссолини, за чистую монету, дуче все же, по-видимому, действительно позаимствовал эти идеи у одного из своих любимых политических мыслителей — Жоржа Сореля. Муссолини заявлял: «Тем, что я есть, я обязан Сорелю». В свою очередь Сорель утверждал уже в 1912 г.: «Наш Муссолини не обычный социалист. Поверьте мне: однажды мы увидим его во главе священного батальона со шпагой и знаменем Италии. Он итальянец XV века, кондотьер»⁹.

Сорель — один из тех политических мыслителей, которых очень трудно отнести к каким-либо направлениям. Вначале он казался консерватором, затем ортодоксальным социалистом, затем революционным синдикалистом, а затем националистом (и это не учитывая множества промежуточных стадий). В своей последней идеологической инкарнации он был большевиком, восхваляющим Ленина. На одном из самых известных в истории судебных процессов Сорель зани-

---

Effects of National Socialism, trans. Jean Steinberg (New York: Holt, Rinehart & Winston, 1970), 10.

9. Цит. по: Michael Freund, *Georges Sorel: Der revolutionäre Konservatismus* (Frankfurt/Main: Vittorio Klostermann, 1932), 8.

мал сторону дрейфусаров, защитников ложно обвиненного в измене французского капитана, однако позднее высмеивал дрейфусарские группировки в Третьей французской республике как сборище лицемеров, более всего пекущихся о том, чтобы извлечь выгоду из парламентского правления. Единственной константой в жизни Сореля было, по-видимому, то, что он постоянно менял взгляды. Как друзья, так и противники Сореля задавались вопросом, была ли в его мысли хоть какая-нибудь логическая последовательность. С одним, впрочем, соглашались в 1920–1930-х гг. все: идеи Сореля пользовались невероятным влиянием. Уиндем Льюис, один из немногих истинно фашистских авторов в Великобритании, утверждал в своей книге «Искусство подчиняться», что «Жорж Сорель является ключом ко всей современной политической мысли»¹⁰. Бенедетто Кроче, итальянский консервативный либерал, превозносил Сореля как единственного, кроме Маркса, оригинального марксистского мыслителя. Грамши восхищался Сорелем, используя его теории в собственной концепции массовой партии как современной версии макиавеллевского государя, «совокупного индивида» и даже «совокупного интеллектуала». Георг Лукач признавал, что Сорель повлиял на его раннюю концепцию романтического антикапитализма. А вот Ленин не отвечал на комплименты, которые ему отпущал в конце жизни Сорель, и называл француза бестолочью и «известным путаником»¹¹.

И действительно, Сорель не был систематическим мыслителем и сам признавал, что стиль его сочинений беспорядочен, даже возмутителен, а в его мысли полно пробелов, до которых ему самому, впрочем, нет никакого дела. В своей самой известной книге «Размышления о насилии» он писал: «Я не преподаватель, не популяризатор и не кандидат в руководители партии; я самоучка, предлагающий вниманию нескольких людей тетради, послужившие моему собственному образованию... Я предлагаю вниманию читателей усилие мысли, стремящейся вырваться из оков заранее

10. Цит. по: *ibid.*, 7.

11. Цит. по: Helmut Berding, *Rationalismus und Mythos: Geschichtsauffassung und politische Theorie bei Georges Sorel* (Munich: Oldenburg, 1969), 7.

выстроенных для общего пользования представлений и пуститься в самостоятельные изыскания. Мне кажется по-настоящему интересным записывать в тетрадах лишь то, что я не встречал у других; переходы от одной мысли к другой я нередко опускаю, так как они почти всегда принадлежат к разряду общих мест»¹².

Иначе говоря, Сорель стремился быть оригинальным во всем, что писал («я никогда не находил людей, которые преподавали бы мне то, что я хотел бы знать»). До всего ему приходилось доходить самостоятельно. И поскольку он отказывался от каких бы то ни было систем, то мог хоть каждый день переделывать свою идеологию, вместо того чтобы становиться учеником для самого себя¹³. Подобно многим другим самоучкам, он оставался аутсайдером, питаясь ненавистью к академическим философам, которые, со своей стороны, отказывались принимать его всерьез¹⁴.

Каким бы интеллектуальным авантюристом он ни был, история жизни этой сознательно маргинальной личности была вполне обыкновенной. Сорель родился в 1847 г. в буржуазной семье в Шербуре и происходил, по словам его друга Шарля Пеги, из «старой Франции», традиционных католических провинций¹⁵. Сореля отправили учиться в Париж, в Политехническую школу — ведущее научное учебное заведение, и, окончив ее, он стал инженером в департаменте общественных работ. Он вел спартанскую жизнь, находясь на службе у Третьей республики, и был одним из бесчисленных и безвестных провинциальных чиновников. Сорель поддерживал несколько необычные отношения со служанкой, которая выходила его, когда он заболел в Лионе в 1875 г., и с которой он впоследствии вел совместное домашнее хозяйство. Мари Давид была набожной полуграмотной католичкой. Он преклонялся перед этой женщиной, считая ее символом чистоты, занимался ее образованием, а по-

12. Georges Sorel, *Reflections on Violence*, trans. T. E. Hulme (1915; New York: Peter Smith, 1941), 3–4; Сорель Ж. *Размышления о насилии*. М.: Фаланстер, 2013. С. 28–29.

13. *Ibid.*, 3 and 5; Там же. С. 28, 30.

14. См.: Jeremy R. Jennings, *George Sorel: The Character and Development of his Thought* (Basingstoke: Macmillan, 1985).

15. Freund, *Georges Sorel*, 13.

сле ее кончины чтит ее память до конца собственной жизни. По сути дела, все его книги посвящены именно ей. Но Сорель не просто учил Мари Давид, но и сам у нее учился. Революционер-марксист, он тем не менее поддерживал ценности, традиционно присущие правым, а именно достоинство, честь семьи и святость религиозного опыта. В 1892 г. в связи с выходом на пенсию французское государство наградило Сореля, к тому времени дослужившегося до поста главного инженера, красной ленточкой кавалера ордена Почетного легиона. Сорель, неустанно призывавший к уничтожению французского государства, носил эту ленточку на груди до самой смерти, наступившей в 1922 г.

К моменту отставки он опубликовал несколько статей и две книги: одна была посвящена исследованию Библии, другая — процессу над Сократом (исход которого он одобрял). Сорель поселился в тихом парижском пригороде и жил на оставленное матерью скромное наследство. Раз в неделю он ездил на трамвае в центр Парижа, читал книги в Национальной библиотеке и вел оживленные беседы с друзьями и случайными знакомыми в книжных магазинчиках рядом с Сорбонной. Он быстро завоевал известность как марксистский политический публицист, что произошло во времена, когда Маркса сравнительно мало знали во Франции. Когда Сорель написал свои «Размышления о насилии», ему было пятьдесят восемь лет и он имел репутацию оригинала. Друзья, относившиеся к нему с нежностью, звали его «*папашей Сорелем*»¹⁶.

Многие сочинения Сореля были реакцией на глубокий «кризис марксизма», о котором шла речь выше: раскол между доктринерским и детерминистским научным социализмом, с одной стороны, и прагматическим ревизионизмом, готовым признать либеральный парламентаризм, — с другой. Особый вклад Сореля в этот спор заключался в следующем: он подверг критике все, что считал материалистическими и рационалистическими элементами в марксизме конца XIX в., и стремился переработать марксистское учение, сделав его формой «социальной поэзии», тем, что заставляет людей поступать героически и способствует моральному возрождению. В теории Сорель соглашался

16. Freund, *Georges Sorelo*, 14.

с максимой Эдуарда Бернштейна, что «цель — ничто, движение — всё». Но для Бернштейна это означало, что главной целью должна стать не революция, а постепенные реформы, достигаемые законными средствами, а непосредственные задачи должны состоять в улучшении условий жизни рабочих и наделении их правом на участие в демократической жизни. Что касается Сореля, то он не мог не презирать такой реформизм, превращающий, по его словам, пролетариев в мелких буржуа. И поэтому, говоря, что движение — «всё», он имел в виду, что этим «всем» должна стать активная, зачастую ожесточенная *борьба*.

Сорель — один из немногих мыслителей XIX в., интересовавшихся Вико и его идеей, что человек способен понимать историю, потому что сам создал эту «искусственную природу» (по выражению великого итальянца). Веберу и другим социальным теоретикам начала XX в. эта фундаментальная интуиция Вико уже не казалась верной. С учетом того, что Вебер называл стальным панцирем, а Зиммель — трагедией культуры, человеческие существа утратили способность понимать безличные силы, которые они создали и которые теперь неумолимо распоряжались их жизнью. Сорель резко отрицательно относился к этой оценке. Вместе с Вико он все еще верил в человеческие существа как прежде всего творцов¹⁷. Вопрос заключался лишь в том, при каких условиях эта креативность — и моральное величие, на которое, согласно Сорелю, люди все еще способны, — могут быть реализованы наилучшим образом.

Когда в 1890-х гг. Сорель увлекся марксизмом, в его голове имелся весьма эклектичный и внешне противоречивый набор идей. Если человеческие существа должны быть на самом деле творцами, рассуждал он, а добродетель в конечном счете формируется только в бою, то единственным креативным классом является пролетариат. Только пролетарии обладают общим сознанием, которое предрасполагает их к жертвенности и героизму. Причина в том, что они *уже* ведут постоянную борьбу — как с материалом, над которым трудятся, так и, конечно же, со своими работодателями.

17. Этот момент изложен энергичнее всего у Исайи Берлина: Isaiah Berlin, Georges Sorel//Isaiah Berlin, *Against the Current: Essays in the History of Ideas* (Oxford: Clarendon, 1981), 296–332.

Взгляд на пролетариат как на потенциального носителя высших человеческих ценностей сопровождался отказом от любого компромисса и любого реального улучшения в жизни рабочих.

Это означало также, что марксизм не имеет никакого отношения к научной истине. На взгляд Сореля, марксизм верен прагматически, как идеология единственной группы людей, способной морально обновить человечество. И так уж случилось, что этой группой оказался пролетариат. Сорель охотно допускал, что в другие времена совершенно иные идеологии, такие как раннее христианство, выполняли ту же функцию и потому заслуживали такой же поддержки. В этом смысле марксизм как теория сам по себе не имел никакого значения. Сорель мог легко переключиться на любую другую идеологию в том случае, если она лучше способствовала моральному величию, достигаемому в борьбе.

Сорель полностью соответствовал образу политика (или, в данном случае, политического мыслителя) убеждения, нарисованному Вебером. Вебер признавал, что анархо-синдикализм — левое течение, к которому принадлежал Сорель, когда писал «Размышления», — вероятно, является наиболее революционным движением его времени. По его мнению, это «или праздный каприз интеллектуальных романтиков и... недисциплинированных рабочих ... или же религия убеждения, имеющая оправдание, даже если *никогда* не задает цели, которая была бы „достижима“ в будущем...»¹⁸.

Сорель не хотел, чтобы «достижимым» оказалось будущее праздности и досуга. На его взгляд, люди должны пылать страстью к борьбе. Поэтому в центре марксизма должна стоять классовая война — идея, которую надо любой ценой защищать от сторонников компромиссов с буржуазной демократией. Точнее, Сорель различал политическую стачку и стачку всеобщую. Первая нацелена на получение материальных выгод и лучших условий труда; для признанных вождей рабочего класса она имеет то преимущество, что «не

---

18. Letter to Robert Michels, 12 May 1909, in *Max Weber-Gesamtausgabe* 11:6, ed. M. Rainer Lepsius and Wolfgang J. Mommsen, in collaboration with Birgit Rudhard and Manfred Schön (Tübingen: Mohr Siebeck, 1994), 125. См. также замечания Вебера о синдикалистах в «Социализме» и «Политике как призвании и профессии».

ставит под угрозу драгоценные жизни политиков»¹⁹. Всеобщая стачка, напротив, имеет в виду последнее, почти апокалиптическое столкновение между революционерами и существующим строем. В одном поразительном месте Сорель говорит, что героизм важнее реального результата любого конфликта: «Даже если бы единственным успехом всеобщей стачки было усиление героизма в социалистическом мировоззрении, одно это уже придало бы ей неоценимое значение». Неудивительно, что, соглашаясь со своим другом Даниэлем Галеви, он писал: «Легенда о Вечном жиде есть символ самых возвышенных чаяний человечества, обреченного вечно блуждать, не ведая покоя»²⁰.

Излагая самую известную свою идею, Сорель доказывал, что опорой для пролетариата в его решительном движении вперед служат социальные мифы. Мифы — неразложимые эмоциональные целостности, имеющие отношение к «глубинной сфере сознания», месту расположения интуиции и эмоций. Поэтому они и не поддаются разумному анализу. Как отмечал Сорель, «входя на территорию мифов, мы получаем защиту от любых опровержений»²¹. Поэтому только мифы «способны в совокупности и силой одной только интуиции вызвать чувства, соответствующие различным проявлениям войны, начатой социализмом против современного общества». «Мы не делаем ничего великого, — писал далее Сорель, — без помощи окрашенных в теплые цвета образов, поглощающих все наше внимание». Революционная борьба может быть подорвана только одним способом: если принадлежащие к среднему классу интеллектуалы, которые, по словам Сореля, «профессионально заняты эксплуатацией мысли», возьмут на себя руководство движением²².

19. Sorel, *Reflections*, 172; Сорель Ж. *Размышления о насилии*. С. 152.

20. *Ibid.*, 15; *Там же*. С. 38.

21. Сорель резко противопоставлял мифы и утопии. Утопии — «продукты умственного труда», а мифы «тождественны убеждениям данной группы, являются выражением этих убеждений на языке движения». Он указывал, что «если наши сегодняшние мифы побуждают людей готовиться к борьбе, чтобы разрушить существующее, то утопия всегда направляет умы к реформам, которые могут быть осуществлены при распаде системы». *Ibid.*, 33; *Там же*. С. 50.

22. *Ibid.*, 37; *Там же*. С. 53.

Сорель выступал против тенденции парламентских социалистов апеллировать к гуманистическим инстинктам среднего класса, содействуя тем самым социальному миру. На его взгляд, среднему классу не следует быть человеколюбивым, он должен быть сильным, беспощадным и понимать, что пролетариат является его врагом. Сорель приветствовал настоящих капитанов индустрии, напоминавших ему воинов с «завоевательным, неутолимый и беспощадным духом»²³. По сути дела, считал он, марксизм всегда был своего рода «манчестеризмом». Сорель прославлял беспрепятственное, свободное развитие капитализма и производства, надеясь на то, что, поляризовавшись, общество наполнится энергией настолько, насколько это возможно.

Революционное насилие оправдывалось также его ролью в углублении раскола между классами, сохранением пролетариата и среднего класса, так сказать, в чистоте. Насилие служит тому, что Карл Шмитт позднее называл мышлением по схеме «друг — враг»: согласно Сорелю, угроза всеобщей стачки сгруппирует друзей и врагов, проведя между ними предельно четкую линию демаркации²⁴. «Если навстречу богатой, истосковавшейся по победам буржуазии поднимется сплоченный революционный пролетариат, — писал он, — то капиталистическое общество достигнет своего исторического совершенства»²⁵.

Все это тем не менее могло рассматриваться как оправдание насилия в тактических целях. Однако Сорель сделал еще один шаг, высказав, по-видимому, самое парадоксальное из своих заявлений: «Пролетарское насилие, осуществляемое как чистое проявление чувства классовой борьбы, предстает... как нечто возвышенное и героическое. Оно служит основным интересам цивилизации, и хотя это, быть может, не самое подходящее средство для получения прямых материальных выгод, но оно может спасти мир от варварства»²⁶. Насилие, спасающее мир от варварства, — здесь Сорель прямо затрагивает тему, ставшую центральной для фа-

23. Sorel, *Reflections*, 86; Сорель Ж. *Размышления о насилии*. С. 90.

24. *Ibid.*, 144; Там же. С. 134.

25. *Ibid.*, 91; Там же. С. 94.

26. *Ibid.*, 99; Там же. С. 100.

шистской мысли: мир, толерантность и либеральная жизнь в праздности — верные признаки декаданса, а варварству противостоит только вечная борьба. Производя настоящую переоценку ценностей, Сорель называл истинным варваром — буржуа.

Но на что будет похожа не-варварская жизнь? Сорель, хотя и стремился избегать утопий, построение которых, считал он, носит неизменно «рационалистический» характер, все же попытался дать общее начертание «этики производителей», которая должна была характеризоваться традиционными понятиями долга и напряженного труда. Предлагая такую этику, он отказывался от первичности политики — от смысла, извлекаемого из политической борьбы, напоминая Вебера в его наиболее нелиберальные моменты. Вместо этого, доказывал Сорель, на заводах и фабриках будут совершаться эпические, почти гомеровских масштабов, производственные подвиги. В этих обстоятельствах не будет больше никакой нужды и в государстве.

В конце концов Сорель практически полностью вычеркнул из марксизма материализм и даже экономическую теорию, введя вместо них прославление человеческой воли к борьбе. Сделав еще более поразительный шаг, он предложил полностью очистить марксизм от идеи свержения капитализма. Он выступал как своего рода *моралист*, которого интересуют не столько реальные пролетарии, сколько возможность создания совокупного тела, закаленного (и облагороженного) для борьбы и через борьбу.

«Антиматериалистическая ревизия марксизма» (по выражению Зеева Штернхелла) вдохновляла в первые десятилетия XX в. мыслителей всего политического спектра, несмотря на то что у Сореля не было прямых учеников и собственно «сорелевской школы»²⁷. И оставалось произвести всего одно концептуальное переключение, чтобы превратить основные идеи Сореля в то, что уже очень напоминало фашизм: перейти от всеобщей стачки или, шире, от классовой борьбы, к нации как наиболее могущественному мифу. Фашисты перенесли идею классовой борьбы на национальные

27. Zeev Sternhell, with Mario Sznajder and Maia Asheri, *The Birth of Fascist Ideology: From Cultural Rebellion to Political Revolution*, trans. David Maisel (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994).

группы, но сохранили веру в насилие как локомотив истории и необходимую предпосылку новой морали героизма.

Это концептуальное переключение не заставило себя долго ждать. Сорель сам близко к нему подошел, когда присоединился к протофашистскому националистическому *Action Française*, хотя в конечном итоге счел это движение слишком роялистским и католическим. Он презирал также возникшую в начале Первой мировой войны концепцию *union sacrée*, священного союза, французской нации поверх всех классовых барьеров: в очередной раз политики использовали обычных, честных людей в своих целях, и все во имя национального сплочения²⁸. Во время войны молодой немецкий правовед Карл Шмитт, происходивший из традиционной католической среды, но чрезвычайно интересовавшийся новейшей политической мыслью, прочитал «Размышления» Сореля, поскольку работал цензором и отвечал за публикации французских авторов в Мюнхене. Книга произвела на него глубокое впечатление, и в 1923 г. он восхищенно отзывался об идее Сореля, что «из истинных жизненных инстинктов происходят великий энтузиазм, великий моральный выбор и великий миф»²⁹. В иррационалистической теории Сореля о «непосредственной конкретной жизни» он видел преодоление «интеллектуалистского» марксизма и подчеркивал, что «великое психологическое и историческое значение теории мифов не подлежит никакому сомнению»³⁰. Соглашаясь с Сорелем, что мифы играют важнейшую роль в порождении энтузиазма и мужества, необходимых при любом великом моральном решении, Шмитт полностью расходился с ним по вопросу о том, какой миф является самым сильным. Он признавал влияние марксистского мифа о буржуа, но утверждал, что русская революция достигла успеха именно потому, что Ленин сумел превратить миф о буржуа в националистический русский миф. Согласно этому исконному мифу, «буржуй» становился в первую очередь и главным образом

28. Mark Antliff, *Avant-garde Fascism: The Mobilization of Myth, Art, and Culture in France, 1909–1939* (Durham, NC: Duke University Press, 2007).

29. Carl Schmitt, *Die politische Theorie des Mythos*// Carl Schmitt, *Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles* (1940; Berlin: Duncker & Humblot, 1988), 9–18; here 11.

30. *Ibid.*, 15 and 17.

западником, угнетающим русское крестьянство. Поэтому только объединение социализма и славянофильства привело коммунистов к власти. И это доказывало, что «энергия национального превосходит энергию мифа о классовой борьбе»³¹. По словам Шмитта, все, что необходимо, это «почувствовать само различие; все движется сегодня в направлении национальных, а не классовых антагонизмов»³².

Как мы видели в предыдущей главе, Шмитт превратился в одного из главных критиков либерального парламентаризма и политики компромисса, а в середине 1920-х гг. превозносил фашистскую Италию, считая ее образцом специфически национальной демократии в условиях массовой политики XX в. Его интеллектуальная эволюция — еще один довод в пользу того, что мысль Сореля привлекала как левых, так и правых радикалов. Друг Сореля Даниэль Галеви рассказывал, как спустя десять лет после смерти Сореля посол фашистской Италии обратился к нему с предложением установить памятник на обветшавшей могиле Сореля. Вскоре после этого посол Советского Союза выступил с тем же предложением от имени СССР. Семья Сореля, возможно, памятуя о сознательно аутсайдерском статусе «папаши», отвергла оба предложения.

Тем не менее Муссолини продолжал говорить о нем «наш учитель» и ставил в один ряд с Фридрихом Ницше, не переставая прославлять идею *vivere pericolosamente*, жизни, полной риска. И для этого были свои основания. Муссолини начинал как социалист, но затем порвал с социалистическим движением, разойдясь с ним по вопросу о вступлении Италии в войну. Подобно Сорелю, он отвергал социализм с увенчивающим его лозунгом «каждому по биде». В центре подлинной политической морали должна стоять победа, а не комфорт. И достаточно скоро, в том числе и в Италии, произошло концептуальное переключение с класса на нацию. Благодаря работам Энрико Коррадини идея пролетариата как агента классовой борьбы была заменена идеей «пролетарской нации», угнетаемой более сильными, капиталистическими нациями.

31. *Ibid.*, 16.

32. *Ibid.*, 17.

Идея превосходства нации над классом получила сильнейший импульс во время Первой мировой войны. В 1914 г. социалисты почти повсеместно поддержали свои отечества. Фашизм не мог возникнуть без того, что сам Муссолини называл «окопократией» Первой мировой войны, без аристократии проверенных бойцов, воюющих в окопах. И на всем протяжении своей истории его отличало прославление насилия. По словам дуче, «вечный мир невозможен и бесполезен. Только война приводит человеческую энергию в состояние высочайшего напряжения и одаривает нации, которые на нее осмеливаются, печатью благородства». Существовал даже своего рода культ смерти. «Да здравствует Смерть!» был одним из многочисленных лозунгов фашистов (в данном случае румынской Железной гвардии), в которых подчеркивалось значение и смысл смерти. На фотографии Муссолини, сделанной в его кабинете в редакции фашистской газеты, мы видим заряженный пистолет на столе и картину с черепом на стене.

Вера в ценность войны как таковой отличала фашистов от консерваторов. Бисмарк заявлял: «Мне нужна не война, мне нужна победа»³³. Вера в абсолютную ценность нации и в то, что национализм выше всех других моральных требований, позволяла отделить национализм от либерализма, который был по большей части его союзником в XIX в. Не случайно итальянский фашизм и нацизм возникли в национальных государствах, в которых национальное объединение произошло поздно и воспринималось как незавершенное. Ответственность за это часто возлагалась на либералов. Муссолини в конечном итоге заявил, что «мы создали наш миф. Миф — это вера, страсть. Ему не надо быть реальностью. Это реальность в том смысле, что это стимул, надежда, мужество. Наш миф — нация, наш миф — величие нации». И это была не какая-то особая идеологическая интерпретация, придуманная Муссолини, а общепринятая среди фашистов всей Европы точка зрения. Индивидуальные мифы, с помощью которых предполагалось мобилизовывать массы, были разными для каждой нации. В миф как таковой фашисты верили одинаково твердо, независимо от национальной принадлежности.

33. Цит. по: Vinen, *A History*, 136.

Фашистские решения

Фашисты верили в почти мистическое единство вождя и его народа, основанное на чувстве или даже «духовности». Эта концепция подкреплялась возникшей в конце XIX в. психологией масс — псевдонаукой, которая оказала влияние, в частности, на Гитлера и добросовестно воспроизведена им в «Моей борьбе». В отличие от традиционного консерватизма, фашизм считал себя политической силой, опирающейся на массы, и в частности апеллировал к «массам», которые были политизированы общим опытом жертв и страданий во время Первой мировой войны³⁴. Поэтому в качестве средства завоевания власти фашисты использовали массовую партию. В отличие от либералов и консерваторов XIX в., они не цеплялись за традицию использования мелких элитарных групп аристократов или бюрократов, отечески пекущихся об общественном благе.

Не возражал фашизм и против «современности» — если под этим термином понимать технологию и науку. Итальянские фашисты даже идеализировали самолеты, танки и вообще скорость. В фашистской культуре архаическое было смешано с ультрасовременным и авангардным (сам термин заимствован из военной лексики). Этот сплав возник еще в период перед Первой мировой войной. В 1909 г. Ф. Т. Маринетти, позднее горячий сторонник вступления Италии в войну, заявил в своем «Футуристическом манифесте»: «Мы будем прославлять войну — единственную гигиену для мира — милитаризм, патриотизм, разрушительные действия освободителей, прекрасные идеи, за которые не жалко умереть, и презрение к женщине ... мы разрушим музеи, библиотеки, учебные заведения всех типов, будем бороться с морализмом, феминизмом, всякой оппортунистической или утилитаристской трусостью...»³⁵.

34. François Furet, *Le Passé d'une illusion: Essai sur l'idée communiste au XXe siècle* (Paris: Robert Laffont, 1995), 197–8; Фюре Ф. *Прошлое одной иллюзии*. М.: Ad Marginem, 1998. С. 191–192.

35. Несомненно, именно это и имелось в виду (и предвосхищало фашизм): в 1909 г. Маринетти, которого спросили во время интервью, не является ли война «возвращением к варварству», заявил: «Да, но это вопрос

Футуризм (и вдохновленные им фашистские направления мысли) с его понятием *guerra come festa*, войны как праздника, провозглашал «войну единственным руководящим принципом, который позволит нам пройти через новую эпоху аэроплана»; этот принцип незыблем, потому что, согласно простым равенствам футуристов, «война не может умереть, она один из законов жизни. Жизнь = агрессия... Война = кровавое и необходимое испытание силы народа»³⁶. Футуризм должен был полностью преобразовать жизнь, начиная с высокой политики и кончая простыми повседневными занятиями, например, такими как приготовление пищи. Книга рецептов «*La cucina futurista*» («Футуристическая кухня») 1932 г. предлагала итальянцам отказаться от пасты, которую Маринетти ассоциировал с ленью, импотенцией и трусостью, и вместо этого обратиться к ультрасовременным рецептам — например, попробовать ананасы с сардинами³⁷.

Нацисты, напротив, считали искусство авангарда вырождением. Но и в Германии целый ряд мыслителей считал, что фашизм сможет освободить технологию от подчинения императивам капитализма и принесет национальному сообществу более рациональную мобилизацию всех экономических и технологических сил, чем их бессистемное использование индивидуальными капиталистическими предпринимателями. Понятие «тотальной мобилизации» Эрнста Юнгера истолковывалось как максимальное использование современной технологии и полная и всеобщая регламентация *Volk*, народа (полностью мобилизованного совокупного тела), во имя нации. Томас Манн, пытаясь описать это необычное сочетание самого современного

здоровья, которое важнее всего остального. Не подобна ли жизнь наций в конечном счете жизни человека, который избавляется от инфекций и избытка крови, забираясь в ванну и делая кровопускание?» Futurism: An Interview with Mr. Marinetti in *Comoedia* // *F. T. Marinetti: Critical Writings*, ed. Günter Berghaus, trans. Doug Thompson (New York: Farrar, Straus & Giroux, 2006), 18–21; here 19.

36. In *This Futurist Year* // *ibid.*, 231–7; here 235. Этот текст появлялся в печати несколько раз в промежутке между ноябрем 1915 г. и концом войны.

37. В частности, Маринетти обвинял пасту в том, что она является причиной «*fiacchezza, pessimismo, inattività nostalgica e neutralismo*» (слабости, пессимизма, наводящей тоску бездеятельности и равнодушия). Vinen, *A History*, 135.

и ностальгии по воображаемому прошлому, назвал его «высокотехнологичным романтизмом»³⁸.

Это заставляет нас обратиться к одной из причин, по которой последователи фашизма и многие следившие за фашизмом наблюдатели видели в нем не столько иррациональное прославление воли, сколько, прежде всего, убедительный практический ответ на проблемы века, особенно (но не только) остро вставшие вследствие Великой депрессии. Фашисты предлагали экономическую политику «среднего», или «третьего пути», претендовавшую на заимствование всего самого лучшего из социализма и капитализма. Параллельно Кейнсу они говорили о необходимости программ общественных работ для снижения уровня безработицы. Это объясняет существование ряда любопытных промежуточных фигур, таких как Освальд Мосли и Хендрик де Ман, которые, как и Муссолини, но независимо от него и гораздо более серьезно в мыслительном плане, начинали как социалисты, а затем стали фашистами³⁹.

Однако фашизм апеллировал и к традиционным элитам, предлагая им одновременно защиту от радикального социализма и решение ряда наиболее сложных проблем свободного рынка. В конце концов Муссолини на самом деле не шел во главе похода на Рим, — он прибыл из Милана в спальном вагоне железнодорожного экспресса «*Direttissimo*». Король предложил ему пост премьер-министра, и Муссолини тут же объявил себя «верным слугой Его Величества». Что касается участников марша, то это были «солдаты-любители, игравшие в революцию, плохо вооруженные (охотничьи ружья, старые армейские пистолеты почти без патронов)»; с ними могла легко справиться регулярная армия, будь у нее желание сделать это (в любом случае большинство из них остановилось милях в два-

---

38. Jeffrey Herf, *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich* (New York: Cambridge University Press, 1984), 2; см. также: Roger Griffin, *Fascism and Modernism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler* (New York: Palgrave, 2007).

39. Кейнс с самого начала питал отвращение к нацистам. Но после 1945 г. либертарианские критики кейнсианства, пытаясь очернить «средний путь» государственного вмешательства в экономику, называли его «фашизмом» и иногда, как в Италии, достигали в этом успеха.

дцати от столицы)⁴⁰. Аналогичным образом дело обстояло и с Гитлером. Среди традиционных элит и избирателей, принадлежавших к среднему классу, было распространено мнение, что все остальное уже перепробовано и что парламентское правление как политическая форма себя исчерпало. По сути дела, ни один фашистский лидер никогда не «захватывал власть» в собственном смысле слова. Все они были назначены — либо королем, либо консервативным президентом, либо, за пределами Германии и Италии во время войны, Третьим рейхом. Гитлер сам прямо заявлял, что революции в XX в. могут и должны совершаться без насильственных мятежей; наоборот, на первых их этапах необходимо тесное сотрудничество со старыми элитами (с последующим их уничтожением).

Но какое же именно решение проблем века предлагали фашисты? В теории это был корпоративизм, т.е. разделение общества на четко определенные группы, например на работодателей и рабочих в различных отраслях промышленности, сотрудничающих на благо нации. Корпоративизм, казалось, отвечал на вызов классового конфликта и одновременно на потребность в участии индивидов в процессе принятия решений там, где это имело значение, т.е. в экономике. Подчеркнем еще раз, что итальянский корпоративизм испытал глубокое влияние со стороны Сореля, в частности его несколько конспективной «этики производителей», хотя при этом никто из итальянских корпоративистов, в отличие от французских синдикалистов, не выступал за отмену государства⁴¹.

Муссолини объявлял корпоративизм (или, как его иногда называли, корпоратизм) одним из важнейших достижений фашистской политической мысли, «представляющих интерес для всего мира». Государственные деятели вроде Ллойд Джорджа вторили ему, называя корпоративное государство «величайшей общественной реформой современной эпохи»⁴².

40. Donald Sassoon, *Mussolini and the Rise of Fascism* (London: HarperPress, 2007), 13.

41. Ilse Staff, *Der faschistische Korporativstaat und die ihn bestimmenden Ideologien*// Aldo Mazzacane et al. (eds), *Korporativismus in den südeuropäischen Diktaturen* (Frankfurt/Main: Vittorio Klostermann, 2005), 91–127.

42. Цит. по: Luciano Canfora, *Democracy in Europe: A History of an Ideology*, trans. Simon Jones (Malden, Mass.: Blackwell, 2006), 159.

Но идеи корпоративизма и труды, в которых они развивались, появились примерно в то же время во многих других европейских странах. Сходные теории, касающиеся функциональных форм представительства, предлагали гильдейские социалисты, в частности Дж.Д.Г. Коул. На сторону фашизма перешел один из крупнейших плюралистических мыслителей — Рамиро де Маэсту⁴³.

Кроме того, конкурирующую, не-фашистскую версию корпоративизма разрабатывали католические мыслители, иногда демонстрировавшие явную склонность к авторитаризму. Например, влиятельный австрийский социолог Отмар Шпанн выдвигал холистическую теорию «истинного государства»⁴⁴. Опираясь на немецких романтиков, Шпанн изображал государство как тело, членами которого являются гармонично сотрудничающие корпорации. Произвол парламентских компромиссов должны заменить разумные решения и верховенство выгодных всем «объективных ценностей». В запутанной терминологии самого Шпанна, речь должна идти о «рангах» и органическом неравенстве вместо демократического и потому «неорганического» равенства. *Sachsoveränität*, нечто вроде разумного управления, должно прийти на смену *Volkssouveränität*, иррациональному суверенитету народа. На взгляд Шпанна, государственная религия (которой волею случая оказался католицизм) должна служить сплочению общества в единое целое. Не было ничего удивительного в том, что некоторые ученики Шпанна вошли в руководство *Heimwehr*, националистической милиции, сыгравшей ключевую роль в разгроме Красной Вены⁴⁵.

---

43. Факт, который в свое время широко признавался: гарвардский профессор консервативных взглядов У.Эллиот отмечал, что «идеология фашизма представляет собой экзотическое попурри из макиавеллиевского прагматизма, джентилевского идеализма, сорелевского мифотворчества и насилия и даже функционализма итальянских гильдейских социалистов и синдикалистов». См.: W. Y. Elliott, *Pragmatic Revolt*, 10.

44. Вдобавок Шпанн называл холизм (и национальный партикуляризм) «универсализмом». См.: Othmar Spann, *Der wahre Staat: Vorlesungen über Abbruch und Neubau der Gesellschaft* (1921; Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1972).

45. Gerard Mozetič, *Outsiders and True Believers: Austrian Sociologists Respond to Fascism* // Stephen Turner and Dirk Käsler (eds), *Sociology Responds to Fascism* (New York: Routledge, 1992), 14–41.

Главная цель авторитарного корпоративизма (и всех странных органических метафор, которые выдвигались теоретиками вроде Шпанна) состояла, очевидно, в том, чтобы положить конец классовому конфликту. Вопрос вновь прояснил Муссолини: «Страна, подобная нашей, не располагающая богатыми минеральными ресурсами, половину площади которой занимают горы, не может иметь великих экономических возможностей. И, следовательно, если граждане начнут ссориться, если классы будут стремиться к уничтожению друг друга, гражданская жизнь лишится той ритмичности, которая необходима для развития современного народа»⁴⁶.

В Италии корпорации были, по сути дела, официальными государственными органами, в задачу которых входило установление дисциплины среди трудящихся и (в теории) работодателей и которые отвечали перед правительством за национальное производство. Фашистский философ Уго Спирито добавлял, что этот план виделся как «великий эксперимент по экономическому примирению... попытка примирить классовые интересы с высшими интересами государства»⁴⁷, а в конечном счете должен был привести к полному преодолению классовых различий и тем самым к тотальному общественному единству. По словам Спирито, «корпоративизм вдохновляется возможностью морального и правового объединения общественной жизни. Он верит в радость дарения и жертвы. Он противостоит любой чисто личной цели в жизни и именно поэтому является не экономическим понятием, но уникальной политической, моральной, религиозной сущностью фашистской революции»⁴⁸.

Спирито даже предлагал преобразовать частную собственность в «собственность корпоративную», а рабочих сделать долевыми собственниками и управляющими предприятий. Это, как можно догадаться, насторожило промышленников и так никогда и не было осуществлено, а са-

---

46. Benito Mussolini, *My Rise and Fall* (1928/48; New York: Da Capo Press, 1998), 274.

47. Цит. по: A. James Gregor, *Mussolini's Intellectuals: Fascist Social and Political Thought* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006), 128.

48. Цит. по: *ibid.*, 129.

мого Спирито вынудили уехать на Сицилию⁴⁹. Не было ничего нелогичного и в том, что впоследствии он стал коммунистом.

К концу 1930-х гг. итальянские государственные или квазигосударственные агентства и «институты» контролировали жизненно важные отрасли итальянской экономики. По сути дела, Италия располагала самым крупным государственным сектором после Советского Союза. Корпоративизм повсеместно считался успешным или во всяком случае надежным подходом к экономической и социальной политике — и не в последнюю очередь в Соединенных Штатах, где некоторые сторонники «Нового курса» были явно увлечены фашизмом Муссолини⁵⁰.

Миф тотального государства

После почти десяти лет пребывания у власти Муссолини наконец познакомил мир с официальной доктриной. На самом деле она уже была положена на бумагу философом Джованни Джентиле. Джентиле начинал свою интеллектуальную жизнь как либерал. В начале 1920-х гг. он даже пытался подобрать специфически либеральное оправдание своей позиции в поддержку фашизма. Это еще раз свидетельствует в пользу того, что итальянские либералы видели в Муссолини последний шанс на спасение своей системы от социализма⁵¹. Сразу после похода на Рим дуче предложил философу пост министра образования в своем первом кабинете. Джентиле был приверженцем «абсолютного идеализма», т.е. рассмотрения мира как в конечном счете «духовной» реальности, продукта человеческого сознания и морального выбора. Моральным императивом всех чело-

49. См. также его *Memoirs of the Twentieth Century*, trans. Anthony G. Costantini (Amsterdam: Rodopi, 2000), 37–46.

50. См.: Wolfgang Schivelbusch, *Three New Deals: Reflections on Roosevelt's America, Mussolini's Italy, and Hitler's Germany, 1933–1939* (New York: Metropolitan, 2006).

51. Giovanni Gentile, *Il mio liberalismo* // Giovanni Gentile, *Che cosa è il fascismo? Discorsi e polemiche* (Florence: Vallecchi, 1925), 119–22. Это эссе появилось в 1923 г.

веческих существ, утверждал он, является полная самореализация, которая, однако, может быть осуществлена только в общении. Человек, по сути своей, есть общественное существо. Любая другая антропологическая концепция — индивидуалистическая иллюзия.

Из этого следовало, что современный либеральный индивид, концепция которого была выработана традиционным либерализмом, по необходимости вел жалкую, недореализованную жизнь, никогда не выходящую за рамки убогого компромисса между личным интересом и закрепленными в общественном договоре интересами всего общества в целом. Вместо этого, как полагал Джентиле, основой для моральных выборов, как индивидуальных, так и коллективных, должна стать нация. Эта мысль, в свою очередь, привела его к концепции «этического государства» как суверенного института, посредством которого индивиды могли бы постоянно самореализовываться и обновляться⁵². По его словам, «фашистское государство... есть сила, но это духовная сила... это душа души». В несколько более практических терминах это означало отождествление с национальным лидером, который является воплощением коллективного сознания и национальной воли.

Для Джентиле нация — это сообщество воли и воображения. Весьма рано он связал себя с крайним национализмом *Associazione Nazionalista* Коррадини и Альфредо Рокко (последний надеялся стать архитектором правовой системы фашистского государства). Но фашизм был не просто крайним национализмом в духе концепций целого ряда мыслителей XIX в. Как позднее подчеркивал Джентиле, проблема с обычным национализмом заключается именно в том, что он рассматривал нацию как данность, как нечто внешнее и трансцендентное. Однако для Джентиле не могло существовать ничего, что выходило бы за пределы человеческой воли и морального выбора. Традиционный национализм был слишком историчен и «натуралистичен», чтобы в полной мере соответствовать его идеализму. На его взгляд, фашизм должен означать постоянное творение нации. По-

---

52. A. James Gregor, *Giovanni Gentile: Philosopher of Fascism* (New Brunswick, NJ: Transaction, 2001), 30–1.

добно очень многим итальянским интеллектуалам, правым или левым (таким как Грамши), он считал, что Рисорджименто XIX в. осталось незавершенным и что объединение (знаменитая его формула) создало Италию, но не итальянцев. Поэтому Джентиле считал себя приверженцем идеалов итальянского национализма, а либерального националиста Мадзини — своим прямым идеологическим предшественником, или даже протосквадристой, фашистским партизаном *avant la lettre*, до появления самого термина⁵³.

Но даже если все коренится в индивидуальной воле, последняя не индивидуалистична: тотальное отождествление гражданина с национальным государством является продуктом специфически национальной и всеобъемлющей педагогики. Современное государство само должно стать не просто этическим, но и индоктринирующим государством⁵⁴. Во время своего относительно недолгого пребывания в правительстве Джентиле инициировал самую крупную с середины XIX в. реформу государственного образования, подчеркивая значение того, что он называл «гуманистическими» и националистическими ценностями, а также «слияния» воли ученика и учителя. Муссолини превозносил политические идеи философа и назначил его еще и главой комиссии, на которую возлагалась задача строительства специфически фашистского государства⁵⁵.

Что же именно привлекало Муссолини в Джентиле, взгляды которого Кроче высмеивал как «ученические»? Будущий дуче, несмотря на хвастливое «я фашизм», заявлял уже в августе 1921 г., что фашизму срочно требуется доктрина, дабы избежать самоуничтожения⁵⁶. Несмотря на свой переход от социализма к фашизму и переключение с пролетариата на пролетарскую нацию, Муссолини всегда оставался коллективистом. В каком-то смысле все, что ему надо было теперь сделать, это перейти от материализма, который он раз-

---

53. Richard Bellamy, *Modern Italian Social Theory: Ideology and Politics from Pareto to the Present* (Cambridge: Polity, 1987), 109.

54. *Ibid.*, 58.

55. M. E. Moss, *Mussolini's Fascist Philosopher: Giovanni Gentile Reconsidered* (New York: Peter Lang, 2004).

56. Цит. по: Gregor, *Gentile*, 34.

делял в бытность социалистом, к якобы фашистскому «спиритуализму». Как говорил Муссолини в 1922 г., «в течение ста лет на алтаре находилась материя; сегодня ее место занимает дух»⁵⁷. Поэтому то, что Джентиле называл философией «актуализма» с ее акцентом на общественной и духовной природе человеческих существ, должно было сразу приглянуться Муссолини, как и претензии, сопровождавшие термин «этическое государство». По свидетельству Карла Шмитта (правда, не вполне надежному), дуче сказал ему во время разговора один на один в Палаццо Венеция в 1936 г.: «Государство вечно; партия преходяща; я гегельянец»⁵⁸.

Этическое государство должно было стать тотальным, а лучше сказать тоталитарным государством. Это означало: «все в государстве, ничего вне государства и ничего против государства». Но Джентиле продолжал настаивать, что это подлинная форма демократии, лучше всего подходящая для формирования способности к коллективному политическому действию⁵⁹. В 1927 г. он информировал американских читателей журнала *Foreign Affairs*: «Фашистское государство... есть народное государство и, как таковое, демократическое государство *par excellence*. Соответственно, отношения между государством и гражданином (не тем или иным конкретным гражданином, но всеми гражданами) настолько тесны, что государство существует только тогда и лишь постольку, когда и поскольку гражданин выступает как причина его существования. Поэтому формирование государства есть формирование его осознания в индивидах, в массах. Отсюда необходимость партии и всех инструментов пропаганды и образования, которые применяет фашизм для того, чтобы сделать мысль и волю дуче мыслью и волей масс. Отсюда гигантская задача, которую ставит перед собой фашизм в его попытках привлечь всю в целом массу народа, начиная с маленьких детей, в число единомышленников партии»⁶⁰.

---

57. Цит. по: Gregor, *Gentile*, 59.

58. Цит. по: Reinhard Mehring, *Carl Schmitt: Aufstieg und Fall* (Munich: C. H. Beck, 2009), 370.

59. Цит. по: Gregor, *Gentile*, 63.

60. Gentile, *The Philosophic Basis*, 302–3. См. также работу 1917 г. «Futurist Demagoguery»: «Мы можем... спокойно передать всякое право делать и пе-

Это подлинная демократия, потому что, согласно Джен- тиле, «государство и индивид суть одно и то же, или, скорее, они неотъемлемые элементы необходимого синтеза». Такой синтез можно было бы назвать «тоталитарным». Последнее понятие было предложено (что зачастую происходит с политическими ярлыками) врагом того самого феномена, который оно в конце концов и стало обозначать⁶¹. Либеральный антифашист Джованни Амендола первым заговорил о режиме Муссолини как «тоталитарном», предупреждая общество о движении в направлении диктатуры. Однако в 1925 г. Муссолини сам начал говорить о «яростной тоталитарной воле» (*feroce volontà totalitaria*) фашистов. Дуче, называвший себя «безнадежным итальянцем», в то же время заявлял о тоталитарной потребности в формировании нового человека, или, более конкретно, «нового итальянца», который будет «мало говорить, меньше жестикулировать и подчиняться единой воле» (и, в соответствии с культурным проектом Маринетти, не увлекаться пастой)⁶².

Эта сознательно тоталитарная концепция никогда не смогла даже приблизиться к своей реализации в фашистской Италии. Муссолини в значительной степени подчинил свою партию традиционному государственному аппарату. Он оставил короля на посту главы государства как монарха, сохраняющего своего рода «резервную харизму» наряду с харизмой дуче. В школах вывешивались портреты обоих — и короля и дуче, а люди распевали и королевский марш и фашистский гимн *Giovinezza*⁶³. Виктор Эммануил III даже позволил себе не отдать честь фашистскому флагу, когда в 1938 г. в Рим приехал Гитлер (фюрер испытывал ответное чувство раздражения в отношении мо-

---

ределявать числу, количеству, массе, поскольку в нашем случае число, количество и масса не будут, как в Германии и России, числом, количеством и массой посредственных, некомпетентных или беспомощных существ». *Marinetti*, 300–3; here 301.

61. Прежде чем еще раз трансформироваться и стать в 1950-х гг. ценностно-нейтральным социологическим термином, обозначающим конкретный вид режима.

62. Цит. по: Ruth Ben-Ghiat, *Fascist Modernities: Italy, 1922–1945* (Berkeley: University of California Press, 2001), 4.

63. R.J.B. Bosworth, Italy // Gerwarth (ed.), *Twisted Paths*, 161–83; here 170–1.

нарха, называя его «королем-шелкунчиком»)⁶⁴. Попытки Джентиле и других деятелей заменить старую конституцию (по сути, Альбертинский статут 1848 г., распространенный с Пьемонта на всю объединенную Италию) на специфически фашистскую не удалось. Единственным радикальным шагом в действительно фашистском, или по крайней мере в постпарламентском, направлении стала замена в 1939 г. палаты депутатов на вообще не подлежавшую выборам палату фаший и корпораций⁶⁵. Доктрины имели значение, как и индоктринация, однако итальянские фашисты на всякий случай все же оставили традиционные институты в целостности и сохранности и требовали не фанатичной веры, а, скорее, аполитичного молчаливого согласия. В формулировке Р. Дж. Босворта, «Гиммлер хотел, чтобы все немцы думали одинаково; фашистская тайная полиция предпочитала, чтобы итальянцы вообще не думали»⁶⁶.

Что все это значило для обычных людей, замечательно передано в фильме Федерико Феллини «Амаркорд» (на риминийском диалекте — «Я помню») — размышлении о том, на что был похож фашизм по воспоминаниям человека, выросшего в то время. Перед нами картина самой обычной жизни, что опровергает представление о режиме, который якобы оказывал тотальное давление на граждан. Конечно, тут есть место и политическому запугиванию, и пыткам с помощью касторового масла. Суть дела, однако, в том, что на каком-то трудноуловимом интимном уровне человек все же трансформируется. Люди проецируют свои страхи и желания на дуче. Например, во время проходящего в городе фашистского парада гигантская маска Муссолини внезапно оживает в воображении толстого, непривлекательного мальчика, и вождь дарит ему девочку его мечты. В конце концов возникает ощущение, что население не столько

---

64. Paul Baxa, Capturing the Fascist Moment: Hitler's Visit to Italy in 1938 and the Radicalization of Fascist Italy // *Journal of Contemporary History*, vol. 42 (2007), 227–42; Fest, *Hitler*, 787; Фест И. *Гитлер*. С. 268.

65. Paolo Pombeni, The Roots of the Italian Political Crisis: A View from History, 1918, 1945, 1989, and After // Carl Levy and Mark Roseman (eds), *Three Post-war Eras in Comparison: Western Europe, 1918–1945–1989* (New York: Palgrave, 2002), 276–96.

66. Bosworth, *Italy*, 177.

подвергается прямым репрессиям, сколько инфантилизируется.

Несмотря на внутреннюю переделку граждан этическим государством, оказалось, что дуче мог удивительно легко потерять контроль над нацией. Когда король и Большой фашистский совет в 1943 г. решили, что Муссолини больше не может быть вождем, режим просто пал, а армия в одночасье перешла на сторону противника, подобно тому как это случалось с армиями XVIII в. В ретроспективе представляется, что конечным источником легитимности оставался король, и когда Виктор Эммануил III перестал оказывать поддержку дуче, а фашистская партия, имевшая альтернативную институциональную харизму, потеряла в него веру, тоталитаризму пришел конец. Как должен был признать сам Муссолини, «монархия была раньше, и монархия будет всегда»⁶⁷. Таким образом, режим, который сначала называли и который впоследствии сам стал называть себя тоталитарным, должен был заключить слишком большое количество компромиссов с традиционными элитами, чтобы хотя бы приблизиться к «настоящему» тоталитаризму.

Один из этих компромиссов следовало заключить с самым сильным негосударственным институтом — католической церковью. Ватикан критиковал «актуализм» Джентиле, считая его родственным пантеизму и отрицающим трансцендентную реальность. Джентиле подвергался критике и самим фашистским движением, особенно (но не исключительно) после того, как начиная с 1938 г. режим Муссолини стал расистским и антисемитским⁶⁸. Для Джентиле расизм означал всего лишь новую форму материализма, который всегда отвергался его абсолютным идеализмом. Тем не менее Джентиле продолжал поддерживать режим и даже связал свою судьбу с республиканским фашистским государством, Республикой Сало, которую дуче создал после 1943 г. В конечном итоге ему пришлось заплатить жизнью за свое решение остаться с Муссолини до самого конца. В апре-

67. Цит. по: Sassoon, *Mussolini*, 11.

68. Alessandra Tarquini, *Il Gentile dei fascisti: gentiliani e antigentiliani nel regime fascista* (Bologna: Il Mulino, 2009).

ле 1944 г. он был убит коммунистами-партизанами. Согласно по крайней мере одному историческому свидетельству, казнь была совершена по специальному распоряжению коммунистического руководства.

Окопократия versus технократия?

Несмотря на то что итальянский фашизм на самом деле не был тоталитарным, он все же глубоко отличался от правых авторитарных режимов, появившихся на территории Европы в 1920-х и 1930-х гг. По сути дела, после пьянящих лет строительства демократии сразу по окончании войны и последовавшего кризиса парламентаризма, констатированного Шмиттом, диктатуры стали почти стандартной альтернативой. Практически все они пытались положить в основу своей легитимности традицию или то, что часто именовалось «христианской национальной культурой», хотя эти традиции обычно получали новое истолкование, чтобы соответствовать характеру политического господства в эпоху массовой политики. Когда Хорти, назначивший сам себя «регентом» Венгрии, получил возможность восстановить на троне короля, он сделал все, чтобы Карл I и его супруга Зита покинули страну⁶⁹.

Лидеры вроде Хорти и португальского диктатора Антонио Салазара не были заинтересованы в постоянной мобилизации населения. Их лидерство основывалось не на личной харизме и не на безличной харизме партии-авангарда. В этом отношении весьма показательно так называемое Новое государство Салазара. В какой-то момент Салазар, приводивший в восторг многих политиков и интеллектуалов на континенте и за его пределами, появился на обложке журнала *Time* как «дуайен диктаторов». Из всех правых авторитарных правительств в Европе XX в. «Новое государство» Салазара оказалось самым долговечным. Режим возник в 1926 г. в результате классического военного путча, а не вследствие какого-нибудь «героического» или в выс-

---

69. Хорти находился под сильным давлением со стороны Антанты. Монарх был официально лишен трона в 1921 г.

шей степени эстетизированного марша полувоенных отрядов. Сам Салазар был скромным профессором экономики и передал главные представительские функции, вроде президентства, другим людям (что вынудило одного итальянского наблюдателя заметить, что это был случай «личного правления без личности»). В то время как Муссолини иногда изображал из себя воплощение божества, Салазар предпочитал, чтобы его воспринимали как скромного государственного служащего. Муссолини любил скорость, и его прославляли как лучшего в Италии авиатора. Салазар слетал на аэроплане всего один раз, и ему это не понравилось. Государство Муссолини бросало вызовы и мобилизовывало массы. *Estado Novo* Салазара всех расставило по местам и не позволяло с них сойти⁷⁰.

Возникает соблазн назвать этот тип правительства не оккупацией, а технократией, или западноевропейской версией режима Ататюрка. Но речь шла о другом. Салазар и подобные ему лидеры не стремились ни к общественной, ни к культурной революции. Им не было дела и до технологических новаций. Оправданием этих режимов служило, прежде всего, то, что они существовали ради стабильности и определенной, в высшей степени контролируемой формы экономического развития, которая не затрагивала интересов традиционных элит, в частности крупных землевладельцев. Поскольку стабильность ценилась превыше всего, не делалось никаких попыток вернуться к династической легитимности или каким-то иным додемократическим ее формам. Салазар никогда не пытался восстановить в Португалии монархию или отменить принцип отделения государства от церкви. Призывы чтить традицию звучали постоянно, однако реальное возвращение к ней считалось слишком рискованным политическим предприятием.

Этот тип патернализма мог сосуществовать с чрезвычайно ограниченными формами плюрализма и до некоторой степени поддерживаться ими. В отличие от советской и фашистской моделей государства, согласно которым политика могла быть только единой и неделимой, плюрализм до-

---

70. António Costa Pinto, *Salazar's Dictatorship and European Fascism: Problems of Interpretation* (New York: Columbia University Press, 1995).

пускал по меньшей мере некоторые разногласия в обществе и их представительство. В некоторых странах даже продолжали существовать парламенты, проводились выборы и сохранялись в жизнеспособном виде (иногда созданные искусственно) оппозиционные партии, хотя власть неизменно оставалась в руках диктатора и его бюрократической элиты, самое большее — в союзе с небольшим числом партий, верных вождю. В Венгрии партия, постоянно находившаяся у власти со времен Белого террора Хорти, называлась попросту — «партией власти»⁷¹. Правом голоса обладало всего около 30% населения⁷².

Не-фашистские авторитарные режимы охотно говорили о себе как об успешных альтернативах парламентской демократии. В 1934 г. Салазар высказывался как постдемократ: «В то время как политические системы XIX в. в целом терпят крах и все больше чувствуется потребность в приспособлении институтов к новым общественным и экономическим условиям, мы можем гордиться... потому что наши идеи и достижения позволили серьезно продвинуться в понимании проблем и трудностей, преследующих все государства... Убежден, что, если не начнется какого-то попятного движения в политической жизни, через двадцать лет в Европе не останется ни одного законодательного собрания»⁷³.

Главным способом решения «проблем и трудностей, преследующих все государства», стал корпоративизм, который, как мы видели выше, вполне можно назвать наиболее рациональным аспектом итальянского фашизма. Но в некоторых отношениях корпоративизм больше подходил христианским авторитарным режимам, потому что находил очевидные оправдания в католической социальной доктрине. В частности, он занимал центральное место в папской энциклике *Quadragesimo Anno* 1931 г. Корпоративизм был похож и на турецкий «популизм» (один из основополагающих принципов республики Ататюрка), стремившийся заменить классы профессиями. В не-авторитарной форме корпорати-

71. Paul Hanebrink, *In Defense of Christian Hungary: Religion, Nationalism, and Antisemitism, 1890–1944* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006), 165.

72. Gerhard Besier, *Das Europa der Diktaturen* (Munich: DVA, 2006), 126–7.

73. Цит. по: Mazower, *Dark Continent*, 27.

визм вернулся на политическую сцену после Второй мировой войны. Авторитарная версия корпоративизма существовала в Португалии Салазара до начала 1970-х гг.⁷⁴

Критики неизменно отвергали корпоративистские холистические и органические образы современного общества как нереалистичные или лицемерные, отмечая, что корпоративизм на деле выгоден только капиталистам. Макс Вебер в свое время высмеивал предложения перестроить Германию после Первой мировой войны в соответствии с принципами корпоративизма, называя их «дилетантскими воздушными замками» и «ненастоящими идеями» (придуманными, как он полагал, все теми же бестолковыми немецкими литераторами)⁷⁵. Он настаивал на том, что в современном сложном обществе призвания и профессии не могут быть четко отделены друг от друга; даже если бы удалось их разделить, границы между ними не могли надолго сохраниться в быстро меняющейся капиталистической экономике; наоборот, искусственные разделения на самом деле разрушили бы даже ту сплоченность, которая имела место в той или иной профессии. Корпоративизм, считал Вебер, гораздо менее прозрачен, чем парламентаризм, и, несомненно, привел бы к укреплению власти государственной бюрократии.

В любом случае истинной целью корпоративизма были не прозрачность и солидарность, а борьба с нестабильностью и конфликтами представительной демократии: члены корпораций должны были не преследовать свои личные интересы подобно изолированным индивидам классической либеральной теории, но в первую очередь отождествлять себя с государством (в точности как предписывал «актуа-

---

74. В 1960-х гг. Салазар все еще заявлял: «Наилучшая формула, которая, возможно, станет формулой будущего, состоит в том, что правительство должно издавать законы в консультативном сотрудничестве с корпоративными палатами, возможно, при содействии совета экспертов по праву». Он утверждал также: «Думаю, нет большего благословения для нации, чем стабильность эффективного правительства». См.: *Salazar Says ...* (Lisbon: S.P.N., 1963), 27 and 26.

75. Буквально — «Dilettantische Seifenblasen». См.: Weber, *Wahlrecht und Demokratie in Deutschland* // *Max Weber-Gesamtausgabe* I:15, ed. Wolfgang Mommsen in collaboration with Gangolf Hübinger (Tübingen: Mohr Siebeck, 1984), 347–96; here 355–63.

лизм» Джентиле). Таким образом, корпоративизм привлекал диктаторов вроде Салазара, который превыше всего ценил стабильность, и представлял меньший интерес для режимов, которые верили в постоянную народную мобилизацию и выступали против центральной роли католицизма. Гитлер поздравил Отмара Шпанна с его антисемитской лекцией в Мюнхене в 1929 г., однако в конце 1930-х гг. национал-социалисты не только отклонили заявление Шпанна о приеме в партию, но и уволили его из Венского университета. В конце концов он провел полтора года в концентрационном лагере⁷⁶.

Логика работала и в противоположном направлении: авторитарно-корпоратистские режимы методично преследовали более радикальные фашистские группы, заимствуя при этом элементы фашистского стиля. В Румынии, например, король-диктатор Кароль, разгромив фашистское движение «Железная гвардия», создал свой собственный Фронт национального возрождения и ввел в обиход фашистское приветствие⁷⁷. Большинство этих авторитарных режимов отвергало материализм и все, что отдавало фашистским язычеством. Вместо этого подчеркивалось значение христианства, обычно в противопоставлении «безбожному большевизму». Де-факто правитель Польши маршал Пилсудский отвечал только перед «Богом и историей»; генерал Франко почитался как *hijo predilecto de Dios* (возлюбленный сын Господа); а преамбула австрийской «клерикально-фашистской» конституции 1934 г. гласила: «Во имя Бога Всемогущего, от которого исходит вся праведность, австрийский народ принимает эту конституцию своего федерального государства, основанного на христианских, германских и корпоративных принципах»⁷⁸. Канцлер Дольфус верхом на коне следовал во главе полувоенной колонны, сопровождавшей огромное деревянное распятие⁷⁹. В «христианском корпоративном государстве» государство должно было стоять

76. Mozetič, *Outsiders*.

77. Besier, *Das Europa*, 280.

78. Ivan T. Berend, *Decades of Crisis: Central and Eastern Europe before World War II* (Berkeley: University of California Press, 1998), 305.

79. *Ibid.*, 304.

на первом месте: ни фашистское движение, ни духовенство к реальной власти не допускались.

Большинство авторитарных лидеров занималось тем, что можно назвать риторикой морального наставления: они не пытались разжечь политические страсти народа, а, скорее, стремились напомнить, что людям следует вернуться к традиционным ценностям труда, семьи и отечества и что любые сегодняшние трудности надо терпеть, поскольку в прошлом царили разложение и безбожие. Вишистская Франция взяла за образец государство Салазара, а лидер вишистского режима маршал Петен стал прототипом морализаторской самопрезентации такого рода. В новогодних посланиях народу маршал мрачно заявлял, что не имеет никакого представления о том, что сулит будущее, но уверен в одном: сегодняшние трудности Франции являются отчасти расплатой за ее предвоенные грехи⁸⁰. В 1930-е гг. одна из многих появившихся тогда правых лиг предсказывала, что «Франция кемпингов, спорта, танцев, путешествий, коллективного туризма уничтожит Францию аперитивов, табачных притонов, партийных съездов и неспешных дижестивов»⁸¹. Режим Виши называл себя *l'État français*, очевидно в противопоставлении *la République*, но это указывало также на верховенство самодостаточного государства над нацией или империей, не говоря уже о политическом движении (вишисты не располагали массовой партией для поддержки режима). В духе старорежимной монархии дети должны были возносить молитву: «Отец наш, который за нас в ответе, славно имя Твое, царствие да придет Твое... и избавь нас от зла, наш Маршал!»⁸² Во французских классных комнатах запрещалось помещать обязательный портрет маршала под крестом; он должен был висеть над ним.

Резко различались и способы внешнеполитического мышления. Салазар и другие авторитарные лидеры пытались со-

80. Самобичевание вишистской пропаганды блестяще показано в фильме Клода Шаброля «Око Виши».

81. James, *Europe*, 205.

82. Цит. по: Marc Olivier Baruch, *Charisma and Hybrid Legitimacy in Pétain's Etat français* (1940–44) // António Costa Pinto, Roger Eatwell and Stein Ugelvik Larsen (eds), *Charisma and Fascism in Interwar Europe* (London: Routledge, 2007), 77–86; here 80.

хранить те колонии, которые у них уже были, но большого стремления к экспансии и масштабному строительству империй с цивилизаторско-религиозными или расистскими целями у них не наблюдалось. Фашистские движения, которые авторитаристы пытались сдерживать, с энтузиазмом проповедовали имперскую экспансию, однако диктаторы сохраняли осторожность и часто проводили конъюнктурную политику. Подобный оппортунизм отчасти объясняет, почему такие государства, как режимы Франко и Салазара, существовали в течение столь долгого времени. В отличие от них режимам, которые постоянно мобилизовывали людей и делали основанием своей легитимности политический динамизм и завоевания, приходилось вести войны, и не в последнюю очередь потому, что успешные войны позволяли искоренять любой плюрализм и остатки власти традиционных элит, таких как церкви. Как констатировал Зигмунд Нейман в 1942 г. в своем исследовании фашизма, «диктаторские режимы — это правительства, ведущие войну, рождающиеся во время войны, нацеленные на войну, процветающие за счет войны»⁸³.

Конечно, конкретные обстоятельства возникновения и смерти режимов всегда случайны. Но имелась определенная логика в том, что фашизм, демонстрируя, по словам Неймана, свою «безграничную динамику», начал с войны и закончил войной⁸⁴. То же самое относится к судьбе вождей. Такие люди, как Хорти, не кончали жизнь самоубийством, их не вздергивали на виселице партизаны, как это произошло соответственно с Гитлером и Муссолини. Хорти, к концу жизни не просто адмирал без флота, но и без страны, комфортно проводил время на своей вилле в португальском Эшториле, приглашенный не кем-нибудь, а са-

---

83. Sigmund Neumann, *Permanent Revolution: The Total State in a World at War* (New York: Harper, 1942), 230.

84. Конечно, в движении нацистской Германии и фашистской Италии к своим целям не было параллелизма. Нацисты на самом деле должны были самоликвидироваться, в то время как в Италии традиционные институты сохраняли некоторую власть (и армия была по большей части лояльна к королю). И все же эти два режима резко отличались от режимов авторитарных. См.: MacGregor Knox, *Common Destiny: Dictatorship, Foreign Policy, and War in Fascist Italy and Nazi Germany* (New York: Cambridge University Press, 2000).

мим Антонио Салазаром, который, подобно Франко, умер своей смертью, пребывая в убеждении, что прожил достойную подражания жизнь на службе стабильности и целостности своего государства⁸⁵.

...versus биократия?

Фашизм был нацелен на создание очищенных национальных и расовых субъектов — через борьбу и для борьбы не на жизнь, а на смерть. Война была не просто неизбежна, ее следовало ценить за то, что она порождала специфически фашистские качества. Политические элиты должны были заниматься формированием таких коллективных субъектов, хотя в конечном итоге качество этих субъектов определялось не только культурными, но и биологическими характеристиками, которые, казалось, выходили за рамки политической деятельности. В фашистском воззрении на мир одно было достоверно: обычные человеческие существа вообще не могли влиять на политику; их следовало мобилизовывать (и регламентировать) с помощью мифов. И они должны были действовать, подчиняясь вождю — воплощению коллективного субъекта. Все это характерные черты итальянского фашизма. Каждая из них была радикализована немецким национал-социализмом.

Различные аспекты итальянского фашизма могут быть поняты как попытки создания «политической религии» — всеобъемлющего множества смыслов, а также зрелищ и ритуалов, которые конкурировали, в частности, со зрелищами и ритуалами католической церкви. В отличие от традиционной религии, они обещали спасение через политику⁸⁶. Ри-

85. Интересным переходным случаем является Франко, который передал власть в руки монарха.

86. Emilio Gentile, *The Sacralization of Politics in Fascist Italy*, trans. Keith Botsford (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996). Обозначение «политическая религия» схватывает важные аспекты фашизма, подобно определению фашизма как «популистской, палингенетической формы ультранационализма»; первое обязано собой итальянскому исследователю Эмилио Джентиле, а второе — Роджеру Гриффину, который разделял главные моменты подхода Джентиле, включая парадигму политической религии. Однако, как должно быть ясно из моего основ-

торика нацизма и его литургическое самопрославление носили еще более псевдорелигиозный характер. Гитлер часто говорил о себе как об орудии «Провидения», а некоторые его речи о «вере в мой Volk» завершались словом «Аминь». Религиозные и в особенности эсхатологические подтексты, как правило, характерные для континентальных империй, были в речах Гитлера слышны отчетливее, чем когда-либо до или после него. Нацисты позаимствовали понятие Третьего рейха как *Endreich*, последней империи, у пророка правых Артура Мёллера ван ден Брука. Они настаивали также, что Германия всегда была и в идеале всегда будет *Reich*, рейхом, с одной и той же расовой субстанцией⁸⁷.

Официальный нацистский идеолог Альфред Розенберг активно пропагандировал нечто вроде неоязычества, прямо противостоявшего признанным церквям⁸⁸. Розенберг, который был родом из Эстонии и бежал из нее после русской революции, способствовал радикализации антисемитизма Гитлера, познакомив молодого политика с «Протоколами сионских мудрецов». Он разрабатывал также концеп-

---

ного текста, оба неточны в некоторых отношениях, а также не учитывают фашистской веры в ценность борьбы как таковой. «Ультранационализм» — понятие слишком безобидное с точки зрения фашистских представлений о совокупных телах, неизменно имевших расистский оттенок; в то время как определение «палингенетический» применимо ко многим (а возможно, и ко всем) другим политическим движениям. Еще одной проблемой является то, что работы о политической религии часто — хотя и не обязательно — сопровождаются сомнительными социальными и нормативными допущениями, которые касаются аномии и тоске по смыслу в секуляризованных обществах. Хочу подчеркнуть, что мое несколько скептическое отношение к парадигме политической религии основывается не на том, что мужчины и женщины, жившие при фашизме, во многих случаях могли и не испытывать того, что Джентиле называет «антропологической революцией» и что пропагандировалось фашистскими идеологами. Как и в случае понятия тоталитаризма, важно различать амбиции движений и реальность жизни в реализованных на практике режимах. И поскольку концептуальная работа касается первых, тот факт, что *es eigentlich ganz anders gewesen* (она на самом деле была совершенно другой) в качестве живого опыта, не может служить решающим возражением. О подходе Гриффина см.: Roger Griffin, *The Nature of Fascism* (London: Pinter, 1991).

87. Alfred Baeumler, *Bildung und Gemeinschaft* (Berlin: Junker & Dünhaupt, 1942).

88. При этом многие нацистские мыслители отстаивали особое нацистское христианство. См.: Richard Steigmann-Gall, *The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945* (New York: Cambridge University Press, 2003).

цию своеобразного «духовного расизма». Его совершенно нечитательный (и, насколько мы знаем, мало кем прочитанный) главный труд «Миф XX века» облакал в язык расизма то, что можно было бы назвать требованиями культурного и психологического порядка⁸⁹. Так, мысль должна всегда оцениваться по тому, кто ее впервые высказал, а те, кто ее впервые высказал, должны оцениваться по их телу, иначе говоря, по «расовой принадлежности». Отмар фон Вершуер, ведущий евгенист и эксперт по «расовой гигиене», утверждал в том же духе, что нацисты понимают *Volk* как «духовное и биологическое единство... большая часть немецкого народа составляет великое сообщество предков, иначе говоря, сплоченное единство кровных родственников»⁹⁰.

Глава СС Генрих Гиммлер тоже придерживался этой идейной смеси из «биографии» (правления с помощью биологии), запутанного «спиритуализма» и почитания предков. Свой «орден» он считал передовым отрядом борьбы за дехристианизацию, замену господствующей религии на *Germanenglaube*, германскую протOVERу, содержание и корни которой должна была разыскать и детально описать усердная научно-исследовательская деятельность СС. Поклонение предкам должно было идти рука об руку с этическим кодексом и его главным императивом — хранить немецкую кровь в чистоте — и усиливать этот кодекс⁹¹. Сам Гитлер не одобрял такого рода оккультизм; в частном порядке он отвергал *Germanenkult* Гиммлера и Розенберга, считая его эксцентричным. Но он горячо верил в расистские псевдонауки, лежавшие в основе политики СС, и наставлял Гиммлера и других, говоря, что нацистская «философия не защищает мистические культы, но, скорее, нацелена

89. Гитлер признавал, что читал из него лишь небольшие отрывки. Ernst Piper, Alfred Rosenberg: *Hitlers Chefideologe* (Munich: Karl Blessing, 2005), 186.

90. Цит. по: Roberto Esposito, *Bios: Biopolitics and Philosophy*, trans. Timothy Campbell (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008), 142.

91. При крещении, теперь переименованном в *Namensweißen*, должны были произноситься следующие слова: «Wir glauben an das Volk, des Blutes Träger/Und an den Führer, den uns Gott bestimmt» («Мы верим в народ, носителя крови, /и в фюрера, данного нам Богом»). См.: Peter Long-erich, *Heinrich Himmler* (Berlin: Siedler, 2008), 299.

на то, чтобы культивировать и вести за собой нацию, определенную ее кровью»⁹².

Одной из отличительных черт национал-социализма было, несомненно, то, что он выдвигал всеобъемлющую теорию исторического, а самое главное — биологического детерминизма. Несомненно, расизм с самого начала занимал видное место и в итальянском фашизме, который был направлен прежде всего против славян и африканцев, а также против евреев⁹³. Муссолини предлагал идею *bonifica*, мелиорации, т. е. возвращения земли и моря, подобную идее права Италии на *mare nostrum*, а также мелиорации культуры (печальной памяти очищение итальянских слов от иностранного влияния) и в конечном счете мелиорации самих человеческих существ (кульминацией стал проект «нового итальянца») ⁹⁴. Италия стремилась к национальному и (в конечном итоге) имперскому обновлению, и Муссолини иногда говорил о сугаге, исцелении, как первой задаче государства⁹⁵. Однако требование возвращения не просто дополнялось, но должно было завершаться устранением «неправильных» людей: дуче изображал из себя «расового практикующего врача», занимающегося лечением «больных», и заявлял, что «мы изолируем их, как это сделал бы доктор с зараженными людьми»⁹⁶. Таким образом, произнося казалось бы вполне безобидные терапевтические фразы, дуче оставлял открытой возможность более решительных мер по *difesa della razza* (защите расы). Именно это произошло в конце 1930-х гг. и совсем не воспринималось как радикальная смена самопрезентации и самооправдания. В фашистской риторике слова *nazione* и *razza* всегда незаметно переходили одно в другое⁹⁷.

В отличие от фашизма, национал-социализм был с самого начала нацелен на тотальную переделку *Volkskörper*, на вос-

92. Цит. по: Michael Burleigh, *The Third Reich: A New History* (London: Pan, 2001), 13.

93. Wolfgang Schieder, *Faschistische Diktaturen: Studien zu Italien und Deutschland* (Göttingen: Wallstein, 2008), 17.

94. Ben-Ghiat, *Fascist Modernities*, 17-19.

95. *Ibid.*, 5.

96. *Ibid.*, 19.

97. Robert S.C. Gordon, Race // R.J.B. Bosworth (ed.), *The Oxford Handbook of Fascism* (New York: Oxford University Press, 2009), 296-316.

питание немцев таким образом, чтобы они сознавали себя как в первую очередь арийцев (а не как представителей конкретной культуры, религии или даже политического движения). В Третьем рейхе язык расы никогда не затушевывался, как это иногда происходило в Италии, и играл важную роль практически во всем, что можно по праву отнести к нацистской теории. Как доказывал Рудольф Рамм, главный нацистский специалист по медицинской «этике», «в отличие от любой другой политической философии или любой другой партийной программы, национал-социализм согласуется с натуральной историей и биологией человека»⁹⁸.

Итальянский фашизм и национал-социализм придерживались общей, известной еще со времен Сореля, концепции совокупного тела, закаляемого через борьбу и для борьбы⁹⁹. Сорель подчеркивал превосходство морализма над материализмом, и это повторялось многократно в риторике Муссолини. Гитлер и его пособники тоже взывали к «духу» и воле к власти, но обычно в более широком контексте биологических сил, выходящих за пределы человеческого воления¹⁰⁰. Сомневаться в законах биологии было просто невозможно, и ничто не могло спасти того, кто считался опасным или недееспособным. В этом тоже состоит одно из главных отличий фашистских режимов от Советского Союза, даже в самые черные дни сталинизма: там, по крайней мере в теории, классовые враги и даже «враги народа» могли искупить вину через «общественно полезный труд», а во время войны — вступив в Красную Армию.

Когда Сталин ссылался на «законы истории», он стремился встроить свой режим в историю прогресса, посту-

98. Цит. по: Esposito, *Bios*, 112.

99. Достаточно ли этого как специфической особенности фашизма и общего знаменателя итальянского и немецкого режимов? Да, потому что никакая другая крупная идеология не разделяла тезиса о ценности борьбы как таковой. Конечно, пролетариат был коллективным телом, точно так же участвующим в борьбе, однако эта борьба имела конечный пункт, и ничто на самом деле не утрачивалось, когда борьба оставалась позади.

100. «Духовный» расизм Розенберга — лучший пример этого так и не разрешенного противоречия между политической волей и биологическим детерминизмом. Конечно, можно возразить, что немцы, проиграв войну, показали себя нацией, не оправдавшей надежд Гитлера. Это объясняет, почему он желал, чтобы немецкий народ весь целиком погиб в 1945 г.

пательного движения от отсталой цивилизации, существующей на периферии Европы, к государству, в котором советские «новые люди» и счастливая социалистическая жизнь будут выглядеть привлекательными для всех и в конце концов осуществляться во всем мире. Для нацистов такой истории прогресса не существовало: имела место только вечная борьба и непрекращающиеся угрозы разложения. Советы заявляли о своих правах на будущее, когда появится «улучшенное издание человека» (Троцкий), делая это в духе оптимизма. Нацисты в оборонительном ключе заявляли о правах на пространство и на защиту его в борьбе против истории — превратностей времени — и против враждебного мира, которому по определению не мог быть мил нацистский антиуниверсализм¹⁰¹. Советские новые люди были людьми из стали, но не потому, что нуждались в защите от нескончаемых вражеских нападений, а потому, что боролись с окружающим материальным миром и выковывали материальный мир. Фашистские люди из стали всегда сражались с другими людьми и ожидали, что битва будет продолжаться вечно.

Подобно итальянскому фашизму, национал-социализм говорил о себе как о всеобъемлющей «этической революции», в центре которой находятся ценности сплочения и самопожертвования во имя *Volksgemeinschaft*, полной переделки общественного тела во имя «очищения» и «гигиены»¹⁰². Термин *Volksgemeinschaft*, обозначающий тесно сплоченную национальную общность, стал популярен в Германии во время Первой мировой войны, когда казалось, что все классовые и статусные различия должны быть преодолены перед лицом общего врага, а *Volksgemeinschaft* и идея борьбы стать неразрывным целым.

Национал-социалистические теоретики и правоведы стремились придать *Volksgemeinschaft* другой смысл, а именно однозначный смысл расовой общины. *Volksgemeinschaft* должна была предполагать включенность и равенство сре-

101. См. блестящую главу Питера Фрицше и Йохена Хеллбека: Peter Fritzsche and Jochen Hellbeck, *The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany*// Geyer and Fitzpatrick (eds), *Beyond*, 302–41; here 303, 314 and 339.

102. Claudia Koonz, *The Nazi Conscience* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003).

ди *Volksgenossen*, буквально — товарищей по расе¹⁰³. В соответствии с этой идеей публичная и личная жизнь должны были всесторонне измениться. В частности, следовало раз и навсегда покончить с конфликтами и разногласиями между *Volksgenossen*. Так, землевладелец и арендатор должны были объединиться в *Gemeinschaft*, и то же самое должны были сделать работодатели и работники. И все должны были приносить жертвы во имя единого и неделимого целого¹⁰⁴. Таким образом, национал-социализм предлагал собственную систему морали, какой бы предосудительной она нам ни представлялась. Это была мораль исключительно для *Volksgenossen*. Целостность ее обеспечивалась не просто исключением, в первую очередь евреев и «асоциальных» элементов, но также молчаливым или не вполне молчаливым соучастием в преступлениях против тех, кто не принадлежал к полностью очищенному политическому пространству¹⁰⁵. *Gemeinschaftsfremde*, те, кто был чужд общине, должны были подвергаться исключению и в конечном счете уничтожению. Нацистские правоведы, по сути дела, отвергали сами понятия «человеческое существо» и «личность», поскольку те, на их взгляд, затушевывали и представляли в ложном свете «различия между *Volksgenosse*, гражданином Рейха, иностранцем, евреем и т. д.». Как выразился один ссыльный политолог, правоведы вроде Шмитта «отменяли человеческое существо»¹⁰⁶. Нацистская мысль, таким образом, отличалась беспрецедентным антиуниверсализмом. И она представляла собой, что было не так очевидно, глубоко антилиберальную реакцию на эпоху демократии, причем в форме, которую невозможно было даже представить в прежние века.

103. Michael Wildt, *Volksgemeinschaft als Selbstermächtigung: Gewalt gegen Juden in der deutschen Provinz 1919 bis 1939* (Hamburg: Hamburger Edition, 2007).

104. Michael Stolleis, *Gemeinschaft und Volksgemeinschaft: Zur juristischen Terminologie im Nationalsozialismus* // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, vol. 20 (1972), 16–38.

105. Recemtsma, *Vetruuen und Gewalt*, 392.

106. Mehring, *Schmitt*, 367.

Смерть государства

И все же нацизм не сводился к квазирелигиозным мифам и медицинским метафорам. Важно понять, что фашизм *частично* использовал язык демократии. Джентиле настаивал, что фашизм является «подлинной формой демократии», которая «находит выражение во времена, когда сознание и воля немногих или даже одного проявляется в сознании и воле всех»¹⁰⁷. Карл Шмитт, который стал одним из ведущих правоведов нацистского режима, вступив в 1933 г. в партию, доказывал, что демократия не обязательно связана с представительством. Подлинная демократия основывается на тождестве правителей и тех, кем они правят. Из этого принципа следует, что воля народа может быть сосредоточена в одном человеке. И тогда диктатура, подобная диктатуре Муссолини, является значительно более истинным проявлением демократии, чем либеральный парламентаризм¹⁰⁸.

Правда, большинство нацистских вождей неоднократно и открыто отвергали демократию. Нацизм был единственной крупной идеологией XX в., не делавшей никаких семантических уступок в отношении демократии. Гитлер сам всегда разоблачал либеральную демократию как средство ослабления нации и как де-факто форму плутократии, т. е. правления богатых; другие говорили, что в западных демократиях мелкие «кланы» всегда практически исключают «массы»¹⁰⁹. Когда один известный нацистский философ захотел воздать должное Розенбергу как главному идеологу движения в предисловии к собранию его сочинений, он счел, что уместнее всего назвать его ярым «врагом демократическо-еврейского интернационализма»¹¹⁰.

---

107. Цит. по: Gregor, *Mussolini's Intellectuals*, 119.

108. Carl Schmitt, *Constitutional Theory*, trans. Jeffrey Seitzer (1927; Durham, NC: Duke University Press, 2008).

109. Reinhard Höhn, *Frankreichs Demokratie und ihr geistiger Zusammenbruch* (Darmstadt: L. C. Wittich, 1940).

110. Alfred Baeumler, *Alfred Rosenberg und der Mythos des 20. Jahrhunderts* (Munich: Hoheneichen, 1943), 19.

И все же по крайней мере некоторые теоретики национал-социализма считали важной задачей разработку концепции «германской демократии», подчеркивая значимость «доверия» между правителями и подданными в противовес механической электоральной подотчетности. Гитлер сам настаивал: «Я не диктатор и никогда не буду диктатором»; он пошел еще дальше, заявив, что «национал-социализм всерьез реализует демократию, которая выродилась в условиях парламентаризма», а также что «мы выбросили на помойку устаревшие институты именно потому, что они больше не служили поддержанию плодотворных отношений с нацией в ее совокупности...»¹¹¹.

Конечно, отчасти это были фразы тактического характера, рассчитанные на аудиторию за пределами Германии в первые годы режима. И все же фактом остается то, что Гитлер и его интеллектуальные пособники были вынуждены использовать риторику народного участия и вовлечения и прилагали немалые усилия, чтобы сама идея реального народного участия выглядела правдоподобной. Как отмечает Цветан Тодоров, нацизм (как и сталинизм) требовал гигантского спектакля псевдodemократии (и того, что Франц Нейман называл «псевдозгалиитаризмом») — театрального представления с народными приветствиями и парадами, когда «народ» своим непосредственным присутствием как бы подтверждал веру в фюрера. Вождь (в отличие от императора или короля) был человеком из народа и человеком, остающимся с народом; и все же он был трансцендентен народу, и не только из-за харизмы, отличавшей его от советского вождя-бюрократа. Его воля не совпадала с волей самостоятельного населения; скорее, он стремился понимать и действовать в соответствии с непреложными расовыми законами и на основе правильной интерпретации этих законов формировать коллективное тело, способное к самоувечковечению, вечно господствуя над низшими расами или даже уничтожая их и устраняя любого противника.

Национал-социализм в гораздо большей степени, чем итальянский фашизм, основывал свои притязания на тотальном единстве вождя и *Volk*. В Италии некоторые фа-

---

111. Цит. по: Fest, *Hitler*, 595; Фест И. *Гитлер*. С. 52–53.

шистские лидеры рассматривали себя как доверенных лиц коллективной харизмы фашистского движения и считали, что харизма Муссолини производна от харизмы партии. Да, фашизм всегда нуждается в фигуре вождя, говорили они, но харизма первоначально исходит от партии как института. Как сформулировал один правовед, «если новое государство должно стать постоянным способом бытия... оно не может обойтись без Вождя по причине своей иерархической структуры, даже если этот Вождь не обладает экстраординарным величием человека, совершившего революцию». Другие теоретики прямо ссылались на Вебера, заявляя, что «фашизм стал первым полным воплощением „харизматической“ теории национальных обществ»¹¹². Национал-социализм, с другой стороны, не проявлял никаких поползновений к отделению безличной *фигуры* «фюрера» от личности Гитлера; и в нем не было ничего похожего на существовавшую внутри фашистской партии оппозицию культу личности *mussolinismo*, муссолинизма¹¹³.

Личная *Treue*, верность, составляла самую сердцевину нацистского понимания закона в противовес холодному, «формальному» правовому позитивизму или даже декретам авторитарного правителя. Этим объясняется то весьма необычное обстоятельство, что после смерти в 1934 г. последнего демократически избранного рейхспрезидента фельдмаршала фон Гинденбурга (в своем роде *Ersatzkaiser*'а) немецкая армия принесла присягу лично Гитлеру. Клятвы верности королям приносились институту монархии, а не конкретной личности короля; в период Веймарской республики солдаты клялись защищать конституцию.

Подчеркивание личностей вместо институтов напоминало правление Сталина в Советском Союзе: оно опиралось на логику банды, а не безличного государства. Однако, в отличие от Сталина, Гитлер не хотел, чтобы такая логика сопровождалась неформальными отношениями, и запретил *Bierabende* (вечеринки с пивом) со своим кабинетом¹¹⁴.

112. Gentile, Mussolini's Charisma, 230-1.

113. *Ibid.*, 227. Это верно, во всяком случае в отношении периода, последовавшего за ночью длинных ножей.

114. Fest, *Hitler*, 597; Фест И. *Гитлер*. С. 56.

Не нужна ему была и выдумка, будто он всего лишь главный бюрократ среди других бюрократов. В отличие от Сталина с его истинно бюрократической властью, Гитлер не любил бумажную работу, из-за чего некоторые историки называли его «ленивым диктатором». Но при этом, также в отличие от Сталина, Гитлер не боялся народа. Он действительно верил во власть своей харизмы и никогда не стал бы утверждать, что «Гитлер» — всего лишь символ «нацистской власти», как это делал Сталин (в этом отношении явно постмодерный), считавший, что его образ на самом деле имеет мало общего с реальным «товарищем Картошкой».

Следуя этой логике личной преданности, нацистское правоведение ориентировалось на понятие «конкретного порядка» — множества институтов, а также индивидуальных и, в еще большей степени, коллективных предпочтений, укорененных (опять же) в расе. В идеале правление должно было базироваться не столько на правовом принуждении со стороны государства, сколько на германской вере, доверии и чести, которые как таковые не были «биологическими ценностями», но были биологически обусловлены. Таким образом, государство не играло большой роли в этой схеме, как и германская традиция *Rechtsstaat*, верховенства закона. Шмитт доказывал, что на смену либеральному верховенству закона пришло «непосредственно справедливое государство». Более молодое поколение нацистских интеллектуалов, и в первую очередь Рейнхард Хён, перешеголяло всех и пыталось полностью исключить это понятие из правовой мысли (оно якобы грозило отравить тех, кто его использует, остатками либерального правоведения). Хён и его последователи настаивали, например, на том, что следует заменить термин *Staatsfeinde*, враги государства, термином *Volksfeinde*, враги народа¹¹⁵. Их оппоненты из числа коллег-правоведов, с другой стороны, заявляли, что *Volk* еще только должно было стать «политическим» в правовых и административных структурах, государственных или имперских. Их беспокоило также, что индивиды, даже правильной расовой принадлежности, потеряли бы всякую правовую защиту перед лицом *Volk* в целом¹¹⁶.

115. Wildt, *Generation*, 13.

116. Stolleis, *Gemeinschaft*.

Таким образом, нацистские политические теоретики не имели никакого отношения к гегельянским построениям Джентиле. Более того, 30 января 1933 г. Карл Шмитт прямо заявил: «Сегодня гегелевское государство умерло». Правда, на очень абстрактном уровне цели Джентиле и нацистов совпадали, это была интеграция «масс» в государство. Но дело было не столько в том, что государство было педагогом и существовало над *Volk* и вне *Volk*; скорее, политический строй состоял из несвятой троицы государства, движения (т.е. партии) и народа, как Шмитт озаглавил одну из своих первых главных публикаций, вышедших при гитлеровском режиме¹¹⁷. Движение, согласно Шмитту, должно было стать «динамическим» элементом между (статическим) государством и гомогенным, но аполитичным *Volk*. Гитлер на съезде в Нюрнберге в 1934 г. сказал: «Партия руководит государством»¹¹⁸. Шмитт настаивал также на том, что после захвата нацистами власти Германия обрела подлинное политическое руководство, которое (здесь Шмитт повторял давние тревоги Вебера) она утратила при чисто бюрократическом государстве Веймарской республики. Если спросить, что скрепляло всю эту конструкцию воедино, то ответ мог быть только один — раса. «Гомогенность» (Шмитт ясно об этом говорил) означала расовую гомогенность, а *Volk* почти буквально мог быть воплощен в фигуре фюрера, который должен был состоять из той же самой расовой «субстанции». Таким образом, эта модель соответствовала «демократическому» принципу «тождества» Шмитта¹¹⁹.

Конечно, нацисты не отменили полностью государство. Никто не сделал этого в XX в., и меньше всего те, кто открыто провозглашал это своей целью. Уже в конце 1930-х и начале 1940-х гг. такие критики, как Эрнст Френкель и Франц Нейман, понимали, что нацистское государство распалось

117. Carl Schmitt, *Staat, Bewegung, Volk: Die Dreigliederung der politischen Einheit* (Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1935).

118. Цит. по: Gorlizki and Mommsen, *The Political (Dis) Orders*, 54.

119. Это было радикализацией средневековой теории двух тел короля; см.: Ernst H. Kantorowicz, *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997); Канторович Э. *Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

на части и управлялось с помощью становившегося все более деформализованным закона. Френкель фиксировал появление «двойного государства»: «нормального», опирающегося на традиционное «нормативное право», и в высшей степени авторитарного, правящего с помощью мер. Он называл их «нормативным государством» и «прерогативным государством»¹²⁰. В простой формулировке: человек мог жениться или быть осужденным за кражу согласно нормальному закону, который оставался совершенно предсказуемым; однако базовые вопросы относительно того, кто достоин, а кто не достоин жизни, подлежали решению в авторитарном порядке и отдавались на откуп все более хаотическим бюрократиям, которые действовали, ничего не понимая, или пытались превзойти друг друга в «угадывании» воли фюрера или действиях согласно его воле¹²¹. Хаос и неразбериха были в какой-то степени связаны с основами нацистской идеологии: «биология» как таковая не могла законодательствовать; *Volk* сам по себе не был политическим агентом (не говоря уже о том, чтобы институционализироваться). Но согласиться с этим значило бы признать, что биология всегда определялась политикой, а не наоборот, и распрощаться с исторической достоверностью, обещанной глубоким проникновением в законы биологического детерминизма.

Показательно, что нацисты, как и итальянские фашисты, не создали новой конституции и в этом смысле так и не придали окончательной формы своей политике, хотя Гитлер обещал, что в конце концов нацистская конституция будет обнародована. В изобилии принимались нацистские законы и декреты, но не было рамочной основы нацистского правления и никакого официального нацистского правоведения, которое могло бы придать всему этому смысл. Нейман обращал внимание на тот факт, что нацистский *Reich* суще-

120. Ernst Fraenkel, *The Dual State: A Contribution to the Theory of Dictatorship*, trans. E. A. Shils, in collaboration with Edith Lowenstein and Klaus Knorr (New York: Oxford University Press, 1941).

121. Произнесенная госслужащим Вернером Вилликенсом фраза заняла центральное место в интерпретации Кершоу, которая касается роли Гитлера в процессе саморадикализации режима. См.: Ian Kershaw, *Hitler*, 2 vols (New York: W. W. Norton, 2000 and 2001).

ствовал в состоянии постоянного чрезвычайного положения и что, если уж на то пошло, превратился в хаотическое «не-государство», а его конституционная жизнь отличалась «полной бесформенностью». Нацистский режим больше напоминал количественное тотальное государство (государство, поглощенное группами с общими интересами), которое Шмитт осуждал в начале 1930-х гг. и которому противопоставлял качественный тотальный государственный порядок, стоящий над любыми разногласиями в обществе (рисую образ, очень напоминавший концепцию Джентиле). Правление осуществлялось через заключение неформальных компромиссов между различными группами, которые напоминали феодальные кланы и состояли из отдельных нацистских вождей и лично преданной свиты¹²². Согласно Нейману, наблюдалась все меньшая «потребность в государстве, стоящем над всеми группами; государство могло даже служить помехой для компромиссов и господства над классами»¹²³.

Однако на самом деле над всеми группами стояла личность Гитлера, который натравливал бюрократов и политические группы друг на друга, сознательно проводя политику своего рода «институционального дарвинизма». В этом была своя логика: Гитлер мог оставаться не связанным никакими ограничениями ни в мыслях, ни в действиях; он мог отказаться следовать конституции или даже какой-то ясной политической теории, не оправдывая ожиданий мыслителей, которые воображали себя «руководителями руководителя». Желание не быть ничем связанным доходило до того, что на цитаты из «Моей борьбы» было, в сущности, наложено табу¹²⁴. По словам Ханны Арендт, нацисты стремились доказать, что сделать можно всё что угодно, что имеет место «неограниченность возможного»¹²⁵.

На первый взгляд, этот акцент на ничем не ограниченном лидерстве напоминает «я»-концепцию ленинской партии, за тем исключением, что последняя даже в самой ха-

122. Gorlizki and Mommsen, *Political (Dis)Orders*, 56.

123. Franz Neumann, *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism* (London: Left Book Club Edition, 1942), 383.

124. Mehring, *Schmitt*, 340.

125. Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Harcourt, 1976), 459; Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом, 1996. С. 595.

ризматической своей фазе была институтом, соблюдавшим правила и способным к самообновлению. Гитлер был, очевидно, всего лишь «единственным лицом»; он поставил все на постоянную мобилизацию *Volksgemeinschaft*, превратив ее в расовую *Kampfsgemeinschaft*, общность борьбы как средства и одновременно как цели¹²⁶. Но он не строил институтов. Даже в качестве главы государства и затем империи он пытался править в первую очередь с помощью публичных выступлений и агитации¹²⁷.

Война продолжалась и продолжалась, и немецкое государство, которое он унаследовал и уже отчасти превратил в «не-государство», начало распадаться на части. Нацистская партия, которая, согласно Шмитту, должна была служить «динамическим» элементом по отношению к государству, а если бы вошел в силу знаменитый Закон об обеспечении единства партии и государства, то присвоила бы себе и полномочия государства, захватывала все больше власти¹²⁸. Но у нее никогда не было того самостоятельного статуса, который даже при Сталине сохраняла за собой партия большевиков; в любом случае она так и не выработала ленинского этоса дисциплины и следования уставу. Партия просто не могла заменить государство, потому что так и не подготовила собственную бюрократию (что еще раз подтвердило правоту взгляда Вебера на революции). Под конец нацистское правление представляло собой сплошную мобилизацию при практически полном отсутствии институтов. Это был конкретный хаос.

Великие пространства — без народов

Аналогичное расхождение между теорией и практикой проявилось в международных делах. В основе нацистского взгляда на европейское и в конечном счете глобальное устройство лежало «мышление о конкретном порядке», ко-

126. Christopher R. Browning and Lewis H. Siegelbaum, *Frameworks of Social Engineering: Stalinist Schema of Identification and the Nazi Volksgemeinschaft*// Geyer and Fitzpatrick (eds), *Beyond*, 231–65; here 262.

127. Gorlizki and Mommsen, «Political (Dis)Orders», 64.

128. *Ibid.*, 82.

торое усердные гитлеровские интеллектуальные палачи сформировали в конце 1930-х гг. и во время Второй мировой войны. Они представляли себе мир поделенным на «великие пространства» (*Großräume*), или «сферы», каждая из которых содержала империю, или *Reich*, в центре и окружающие его кольцом, по сути дела сателлитные нации. В первых рядах при разработке этого специфически нацистского подхода к международному праву и международным отношениям вновь оказался Карл Шмитт. В 1939 г. он призвал фюрера объявить «европейскую доктрину Монро» и сделать Третий рейх центром нового *Großraum*, в которое неевропейским державам (в частности, Соединенным Штатам) не было позволено вторгаться. Это отвечало осознанному желанию Гитлера создать империю и навсегда исключить возможность превращения Германии во «вторую Голландию», «вторую Швейцарию» или даже в «рабский народ». Шмитт настаивал на том, что в направлении великих пространств подталкивают и экономические события. Но важнейшим моментом было то, что империи, которые он предлагал создать, должны были обладать подлинно народной легитимностью. Таким образом, даже в международных делах нацистская мысль удивительным образом колебалась между квазидемократическими призывами и полной биологизацией политики, т.е. подчинением политики историческим и расовым законам, выходящим за рамки человеческой воли. Гитлер называл себя «освободителем человечества», но в то же время настаивал, что отдельные человеческие существа не имеют никакого значения¹²⁹.

Идея *Großgermanisches Reich* (великогерманского рейха) иногда казалась возрождением все того же старого понятия континентальной, даже многонациональной империи, хотя Гитлер всегда с отвращением относился к Габсбургской империи с присущим ей многообразием национальностей. Для него она была ужасающим «вавилонским» смешением. Поэтому *Reich* мог на самом деле означать очень большое национальное государство или национальную общность, каким-то образом обходящуюся без государства (некоторые

---

129. Dan Diner, *Weltordnungen: Über Geschichte und Wirkung von Recht und Macht* (Frankfurt/Main: Fischer, 1993).

национал-социалисты не доверяли даже идее нации, поскольку, как и понятие государства, она имела слишком сильный привкус либерального прошлого¹³⁰).

И вновь налицо отличие от итальянского фашизма: итальянцы тоже требовали *Lebensraum* — они называли его *spazio vitale* — и официально разделяли шмиттовскую концепцию раздела мира на *grande spazio* для каждой империи. Но они продолжали исповедовать по существу своему националистические принципы правления. В единственной стране, которая была ими завоевана без помощи Германии, а именно в Албании, они воспроизвели все ту же двойственную структуру, которая отличала саму Италию: Виктор Эммануил III стал королем Албании, а Муссолини — главой вновь созданной албанской фашистской партии. Но при этом итальянцы заявляли, что албанцы должны и будут вести свои дела самостоятельно. Как заявлял министр иностранных дел граф Чиано в мае 1942 г., «невозможно экспортировать фашизм в какую-то страну и одновременно отрицать за ней статус нации. В этом суть [фашистской] доктрины... Наши действия в Албании являются конкретным доказательством перед всем миром, что в новом порядке, предложенном Римом, нации будут не поработать, а, но высоко цениться»¹³¹.

При всем лицемерии этих заявлений, немцы все равно никогда не стали бы их делать. В той степени, в какой вообще имели место логически связанные концепции *Reich's*, на нацистскую империю должен был распространяться принцип расы, т. е. она должна была иметь границы, определяемые «кровью расы» (*Volksblut*), и отделяться от сла-

---

130. Гитлер определял государство просто: «Государство не имеет ничего общего с какой-то определенной экономической концепцией развития. Это не совокупность договаривающихся сторон в определенном, ограниченном жизненном пространстве для выполнения экономических задач, но организация сообщества физически и психологически подобных друг другу живых существ для облегчения поддержания своего вида и достижения цели, предназначенной этому виду Провидением. Это и ничто другое является целью и смыслом государства». Adolf Hitler, *Mein Kampf*, trans. Ralph Mannheim (London: Pimlico, 2001), 137.

131. Цит. по: Davide Rodogno, *Fascism's European Empire: Italian Occupation during the Second World War*, trans. Adrian Belton (New York: Cambridge University Press, 2006), 59.

вянской Азии «стеной из крови» (*Blutswall*)¹³². Как утверждал Гитлер на первой же странице «Моей борьбы», «одна кровь — одно государство!» Во время войны, когда борьба с большевизмом все чаще подавалась как война за спасение Европы, он настаивал на том, что «Европа» — это «понятие, обусловленное кровью»¹³³. Отсюда проистекала необходимость в постоянном расширении «расовой бюрократии», перед которой была поставлена задача классификации и сертификации людей, выпуска «расовых карточек» и собирания всей до единой капли немецкой крови в единую политическую общность. Ханна Арендт заметила эту особенность и называла нацистов «антинациональным интернациональным движением»¹³⁴. Русско-французский философ Александр Кожев в меморандуме Шарлю де Голлю, написанном после войны, тоже указывал на сомнительные, если не абсолютно противоречивые нацистские попытки управлять империей, как огромным расово обусловленным *Volksgemeinschaft*. Он замечал: «Немецкое национальное государство заставило служить себе 80 миллионов соотечественников, военные и гражданские (пусть не моральные) качества которых оказались выше всяческих похвал. Тем не менее сверхчеловеческие политические и военные усилия нации лишь отсрочили результат, который можно назвать поистине „фатальным“. И причиной этой „фатальной судьбы“ является, несомненно, сознательно национальный характер немецкого государства. Ибо для того, чтобы вести современную войну, Третий рейх должен был оккупировать и эксплуатировать страны за пределами Германии и импортировать более 10 миллионов иностранных рабочих. Но национальное государство не может ассимилировать не-соотечественников, и оно должно обращаться с ними в политическом смысле как с рабами. Так что „националистической“ идеологии Гитлера одной было бы достаточно для того, чтобы похоронить имперский проект

132. Richard Overy, *The Dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia* (London: Penguin, 2004), 574–7.

133. Цит. по: Piper, *Rosenberg*, 598.

134. Hannah Arendt, *The Seeds of a Fascist International*// *Arendt, Essays*, 140–50; here 144. Это эссе было впервые опубликовано в 1945 г.

„Новой Европы“, без которого Германия, впрочем, не могла победить. Поэтому можно сказать, что Германия потерпела поражение в этой войне, поскольку хотела выиграть ее в качестве нации-государства. Ибо даже нация из 80 миллионов политически „совершенных“ граждан не способна на усилия, необходимые для ведения современной войны, и потому не может гарантировать политическое существование своего государства»¹³⁵.

Этот парадокс вскоре стал очевиден, поскольку *Volk ohne Raum* завоевал империю: ему пришлось иметь дело с обширным *Raum* без *Volk*¹³⁶.

Антисемитизм имел ключевое значение для этих в полной мере расистских представлений о мире: он был исходной навязчивой политической идеей Гитлера (уже в 1919 г. он требовал «полного удаления евреев» во имя антисемитизма, основанного на «разуме»)¹³⁷. Для этого крайнего политика убеждения (в веберовском смысле) антисемитизм был руководством к действию и в итоге привел его к самоуничтожению. С самого начала Гитлер заявлял, что следующая война должна стать *Weltanschauungskrieg*, войной мировоззрений, и одновременно «*Volk* и расовой войной»: полное искоренение немецких евреев должно стать предпосылкой победы Германии в этой войне, в то время как ее следствием станет уничтожение всего в целом европейского еврейства, в глазах Гитлера — «антинации» как таковой.

Было ли в нацистской мысли что-либо, прямо связывавшее завоевание *Lebensraum* с иудеоцидом? Казалось, что благополучный исход притязаний на пространство зависит от применения самых жестоких методов, и, поскольку Гитлер отождествлял принцип святости жизни с иудаизмом, уничтожение евреев и ослабление традиционных универсалистских этических кодексов было условием формирования чистого коллективного тела, способного к успешному политическому действию, даже к мировому господству и, в ко-

135. Alexander Kojève, *Outline of a Doctrine of French Policy* // *Policy Review*, no. 123 (2004), 3–40 (translation modified); Кожев А. Набросок доктрины французской политики (27 августа 1945 г.) // *Прогнозис*. 2005. № 1. С. 16–54.

136. Browning and Siegelbaum, *Frameworks*, 261.

137. Цит. по: Kershaw, *Hitler*, vol. 1, 125.

нечном счете, к овладению историей¹³⁸. Поэтому Гитлер провозглашал также, что «никогда прежде не было войны столь типично и одновременно столь исключительно еврейской»¹³⁹.

Таким образом, понятие расы определяло как внешнюю политику, так и внутреннюю жизнь нацистского государства. *Führerprinzip* и *Rassenprinzip* гармонично сочетались в «теории пресуществления», как называл ее Франц Нейман: вождь был мистически связан со своим народом, но конечная причина этого заключалась в том, что они принадлежали к одной и той же «расе», объединенные против вражеской расы и ее универсалистских этических убеждений, способных лишь ослабить аутентичную волю *Volk*. В последние недели жизни, размышляя о своей «карьере» и судьбоносных решениях, Гитлер настаивал на том, что своим поражением он обязан евреям и этому «алкоголику *verjudete* полуамериканцу» Уинстону Черчиллю, которым, по мнению Гитлера, управляли еврейские советники. Более того, его «политическое завещание» заканчивалось словами: «Я обязываю руководство нации и подчиненных прежде всего к неукоснительному соблюдению расовых законов и к беспощадному сопротивлению отравителю всех народов — международному еврейству». Фюрер горько сетовал, что немцы оказались «морально не готовы» к войне и что потребовалось бы двадцать лет, чтобы вырастить настоящую нацистскую элиту, которая усвоила бы «национал-социалистический способ мышления» с молоком матери¹⁴⁰. Он также сказал, обращаясь к немногим оставшимся с ним в его последний день, что как идея национал-социализм умер навсегда.

И он был прав. Фашизм и национал-социализм были не просто разгромлены на полях сражений. Беспрецедентная жестокость и зверство, особенно со стороны нацистов, были выставлены на всеобщее обозрение, и склонить в будущем многочисленные «сердца» и «умы» к фашизму было

138. Gunnar Heinsohn, *Warum Auschwitz?* (Hamburg: Rowohlt, 1995) and Roberts, *Totalitarian Experiment*.

139. Цит. по: Overy, *Dictators*, 589.

140. Цит. по: Fest, *Hitler*, 1046; Фест И. *Гитлер*. С. 586.

уже невозможно ни при каких обстоятельствах. Больше того, они потерпели поражение как *идеи*: для фашистов истина доказывалась действием, а действия фашистов потерпели неудачу. Войну проиграли мировоззрения, основанные на ценности войны и на мужестве, необходимом для вечной борьбы. И вожди это признали. Фашизм просто не мог себе позволить поражения, никогда и ни за что. В этом смысле фашизм в конце концов оказался тем, что Томас Манн назвал *Zeitkrankheit* — болезнью времени, возможной только в эпоху массовой демократии, массовых общественных потрясений и массовой войны. Однако, потерпев поражение, он стал невозможен за пределами того времени, которому принадлежал¹⁴¹. Таким образом, послевоенное восстановление и идеи, которые его вдохновляли, должны были в самом широком смысле стать антифашистскими и антитоталитарными. Но само по себе это, конечно, не означало, что восстановление будет носить исключительно демократический характер.

---

141. Thomas Mann, *Schicksal und Aufgabe* // *Gesammelte Werke*, vol. 12 (Frankfurt/Main: Fischer, 1960), 918–39; Манн Т. Судьба и задача // Манн Т. *Художник и общество. Статьи и письма*. М.: Радуга, 1986. С. 134–148. Можно поставить под вопрос оправданность использования медицинских метафор для лучшего понимания фашизма (еще один известный пример — Кроче, который называл фашизм «моральной болезнью»), и не только потому, что такие метафоры превращают политические феномены в феномены природные, но и потому, что они могут оказаться захваченными в плен тем самым языком, которому стремятся противостоять.